

ПСИХОЛОГИЯ
ДЛЯ ЖИЗНИ

Маруся Светлова

ИСКУССТВО БЫТЬ РОДИТЕЛЕМ

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТО, ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ

Психология для жизни

Маруся Светлова

Искусство быть родителем

ИГ "Весь"

2013

Светлова М. Л.

Искусство быть родителем / М. Л. Светлова — ИГ "Весь",
2013 — (Психология для жизни)

ISBN 978-5-9573-2612-0

Перед вами книга об осознанном родительстве. О том, как грамотно, понимая, что и для чего ты делаешь, воспитывать ребенка. Как происходит замена изначальной детской уверенности взрослой неуверенностью? Активности – пассивностью и безынициативностью? Высокой самооценки – закомплексованностью? Веры – неверием? Что мы делаем с детьми, если они меняются, и часто, надо признать, не в лучшую сторону? Как нам воспитывать их, как формировать их лучшими? Сильными и уверенными. Самостоятельными и ответственными. Такими, чтобы они могли выстоять в этой жизни. И не просто выстоять, выжить – а жить ярко, интересно, достойно. Эта книга – возможность рассмотреть все закономерности и последствия нашего воздействия на детей. Возможность получить ответ на глобально важный вопрос: как мы делаем наших детей такими, какими они становятся.

ISBN 978-5-9573-2612-0

© Светлова М. Л., 2013

© ИГ "Весь", 2013

Содержание

Вступление	5
Поддержка или обуза	5
Как это происходит?	8
Глава 1. Система убеждений – ребенок и родитель	12
Событие № 1	12
Неизведанная новизна	15
Представления о ребенке	17
Представления о родителе	18
Убеждения со стороны	20
Зачем нам дети?	21
Система убеждений	23
Глава 2. Руководство и контроль	24
Убеждения начинают работать	24
Ребенок начал самостоятельно передвигаться	26
Ребенок начал исследовать мир	28
Ребенок начал говорить	30
Ребенок начал самостоятельно думать	31
Ребенок пошел в мир	32
Ребенок становится взрослым	34
Я лучше знаю, что нужно моему ребенку!	35
Мы хорошие родители	36
Глава 3. Мы получаем результат	38
Послушание	38
Беспомощность	40
Неопытность	43
Безответственность	46
Психологический инцест	47
Усталость	49
Взрыв	51
Уход из семьи	53
Чувство вины	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Маруся Светлова

Искусство быть родителем

Вступление

Поддержка или обуза

Они задержали меня в дверях, когда я входила в магазин, – пожилая женщина, ступающая медленно и осторожно, и мужчина, уже немолодой, с седыми висками.

– Осторожно, мама, потихоньку, – говорил он ей, когда она переступала невысокий порожек.

Она держалась за его руку, согнутую в локте, и другой рукой он накрыл ее маленькую сухонькую ладонь. И так необычна была ситуация, когда немолодой уже сын привел в магазин бабушку-мать, так редко видела я неприкрытую заботу о пожилой матери, что, остановившись, я с интересом проводила их взглядом, потом пошла за ними.

«Зачем они пришли? – думала я. – Он что, сам не мог ей купить то, что нужно?..»

Я увидела их у витрины, в которой лежали заколки для волос. Бабушка внимательно рассматривала витрину, низко склоняясь над ней. Сын терпеливо ждал, пока она сделает выбор.

– Я думаю, вот эту нужно купить, – сказала женщина, показав на дорогую заколку, нарядную, но достаточно строгую. – Эта мне будет, чтобы на людях показываться, и еще давай купим одну попроще...

Я посмотрела на женщину, на ее полностью седую голову, на тоненький узелок волос на затылке. Мне так понравилось это – женщина в преклонном возрасте, с седой головой и с редкими волосами пришла в магазин покупать себе заколки для волос! И мне понравилась реакция сына, он по-доброму, как на большого ребенка, смотрел на мать, принимая ее выбор, и спокойно говорил:

– Хорошо, мама, сейчас я пробую чек...

В его интонации чувствовалось глубокое уважение к матери. К ее немножко смешному поступку – на свои реденькие волосы покупать дорогую нарядную заколку. И ведь привел же он ее для этого в магазин! Не отмахнулся от ее просьбы, как от глупости: совсем, мол, бабушка сбрендила – на старости лет себя украшать...

И я, глядя на этих людей, думала: как эта женщина воспитывала его, если теперь, в старости, получает уважительное, понимающее отношение к себе взрослого сына? Сына, крепко стоящего на ногах – судя по тому, с какой легкостью он потратил почти полтысячи рублей на заколки для старенькой мамы.

Что-то волнующее было в этой паре уже пожилых людей, что-то трогательное. И я, как-то по-хорошему задетая наблюдением за ними, шла домой и все продолжала думать – как нужно воспитывать ребенка в детстве, чтобы в старости рядом с тобой был вот такой, добрый и уважающий тебя, терпимый и щедрый по отношению к тебе взрослый человек? Человек, который хотел бы заботиться о тебе. И не просто хотел – а реально мог, имел средства, возможности поддержать тебя в старости...

Спустя несколько дней после ситуации, увиденной в магазине, я стала свидетельницей другого случая...

Мужчина средних лет, крепкий на вид, скромно, но опрятно одетый, стоял недалеке от мусорных контейнеров. Женщина – пожилая, грузная, с одышкой – рылась в контейнере.

– Да ладно, мама, нет тут бутылок, не ищи. До нас уже забрали... – сказал он поникшим каким-то голосом, и я, проходя мимо, с интересом посмотрела на эту пару: не так часто встретишь мать и сына, пришедших на помойку в поисках бутылок.

Мать подошла к сыну, и они под руку пошли вместе. Он – медленно, в такт шагам матери. И меня как-то больно тронула и вся эта история, и то, что не сын вел свою мать, а мать вела сына. Вела, как маленького. Вела – от помойки к следующей помойке, куда они направились. Страшно это было: такая вот их неспешная, казалось, привычная прогулка. И я подумала невольно: «Господи! Спаси и сохрани меня и мою доченьку от такой жизни...»

И пока шла домой, продолжала думать: «Как же так, почему этот взрослый, крепкий с виду мужчина – такой поникший и такой „сдавшийся“, что ли? Почему ходит он по помойкам в поисках бутылок? Почему его мать в этом участвует? Почему, в конце концов, он не делает это один, освободив ее от такого унижения? Разве он не в состоянии один это делать? Почему он не взял на себя ответственность, если уж решил таким способом искать дополнительный источник денег?» Но, вспомнив всю увиденную сцену, подумала с грустью, что наоборот – вся ответственность была на матери. Это она водила его. Она играла в этой ситуации ведущую роль. Она делала самое неприятное – рылась в отбросах, а он стоял в сторонке. А потом именно она повела его, как ребенка, к следующим мусорным контейнерам.

Я подумала грустно: «Она все еще его водит. Все еще ограждает его от самого неприятного. Как в детстве. Он так и не стал для нее взрослым. А для себя – стал ли он взрослым, самостоятельным, ответственным?..»

Задетая всем увиденным, я рассказала об этом участникам тренинга для родителей, который проводила несколько дней спустя. Рассказала о своих мыслях – как родители, привыкнув ограждать ребенка от жизни, водить его и руководить им, получают потом такого вот взрослого – слабого и неприспособленного, не умеющего поддерживать.

Реакция одной участницы тренинга была резкой, неприемлемой:

– Что же теперь, оттого что я своего ребенка, ради его же блага опекаю и ограждаю от жизни, подсказываю ему, как лучше поступить, мне тоже такая участь уготована? То есть если я ребенка сейчас ограждаю от трудностей и проблем, то он со мной на старости лет бутылки по помойкам собирать будет? – Она передернула плечами, возмущенная даже таким предположением, и продолжила: – Да, может, там вообще другая ситуация, ну не «встроился» человек в нашу рыночную экономику, ну не нашел денежную работу, ну, может, его сократили... И вынужден он, как тысячи людей в нашей стране, добывать себе дополнительное пропитание... Не обязательно же сразу считать, что родители виноваты, опекой его довели...

Женщина была так горяча, так возмущена, вся эта ситуация ее так задела, что мне, как психологу, было понятно: в этой ситуации многое – о ней...

– Я не знаю, как воспитывали этого ребенка, который теперь с матерью-старухой собирает бутылки. Я вижу только результат, – сказала я как можно мягче, чтобы снизить горячность женщины. – И результат этот таков: полный сил, в трудоспособном возрасте мужчина выбирает именно такой способ «добычи себе пропитания» – не самый красивый, не самый достойный, не говоря уже – не самый высокооплачиваемый. Выбирает это в мире, полном работы и возможностей, ведь столько возможностей для зарабатывания денег еще никогда не было в нашей стране. Сейчас можно работать на трех работах, можно открыть свое дело, можно подрабатывать, делая несложную, непыльную работу, работая курьером или распространяя газеты. И эта работа лучше и достойнее и не менее оплачиваемая, чем сбор бутылок! Но человек «выбирает», помогать своей маме рыться в мусорных контейнерах. Тогда – чему его научили? Какие качества личности в нем воспитали? Активность? Ответственность? Чувство собственной значимости? Самостоятельность? Смелость?.. Да, его могли сократить. Да, он мог «не встроиться», как тысячи людей в нашей стране. Но кто те тысячи, которых почему-то сокращают? Кто те миллионы, которые никак не «встроятся» после перестройки в рыночную

экономику, хотя прошло уже столько лет после этой перестройки? Кто те люди? Какими жизненными качествами они обладают, если не могут «встроиться», если именно ими жертвуют при сокращении? И кто не помог им вырасти сильными и решительными, ценными, яркими, смелыми и активными преобразователями и покорителями этого мира, авторами своей жизни?

Хотим мы этого или не хотим, но наши дети – это продукт в первую очередь нашего воспитания. И день за днем, год за годом мы растим либо сильную, жизнеспособную, яркую личность – свою опору и защиту в старости, свою гордость, свою стабильность, либо – день за днем, год за годом мы растим маленьких, неуверенных, не приспособленных к жизни неудачников, слабых, беспомощных перед жизнью, неспособных постоять даже за самих себя – разве смогут они потом заботиться о родителях?!

Как это происходит?

Я много думала об этом, обсуждала эти вопросы со многими родителями, приходившими на тренинги для родителей – как из ребенка получается лидер или неудачник? Заботливый сын или нахлебник? Радость или головная боль? Гордость или проблема?

Как из маленького человека формируется взрослый – такой, какой есть?

Как мы, взрослые, делаем его таким?

Мне так интересна эта тема – формирование человека таким, каким он становится под воздействием взрослых, что я, наблюдая своего маленького внука, встречая маленьких детей – всматриваясь в них, вслушиваясь в их разговоры, видя их изначальную хорошую «данность», постоянно думала – как это происходит?

...Он нарисовал их во всю стену, прямо на новых обоях – человечков, с ручками и ножками, похожими на палочки, каляки-маляки, обозначающие в его рисунках цветы, большое солнце, лучи которого перекрывали и человечков, и «цветы», и уж конечно, рисунок на обоях.

– Господи! Ты что натворил! – воскликнула я возмущенно.

– Я нарисовал рисунок! – гордо сказал он. И так же гордо добавил: – Я настенный художник!

Он – свободен и безграничен. Все пространство мира – для него. Именно так он ощущает. И он осваивает этот мир, смело используя все его пространство.

Как же потом из таких свободных и безграничных, смелых маленьких людей вырастают ограниченные, боящиеся шаг ступить или самостоятельно что-то сделать взрослые?

– Ты мое чудо! – сказал ему как-то папа, и он потом встречал всех приходящих домой словами:

– Я папино чудо! Я папино чудо! Я – чудо!

Для него это так естественно – ощущать себя чудом! Для него так естественно – сообщать об этом всему миру!

Как потом из таких детей вырастают скромные и застенчивые, не умеющие себя ни подать, ни продать при приеме на работу люди?

– Почитай мне это! – сказал малыш и показал на фотографию. И я, сначала удивленная этим предложением «почитать» фотографию, начала ее «читать»: «На этой фотографии – твоя мама, когда она отдыхала на море. Была хорошая погода, светило солнце, мама каждый день купалась в море, и маме там было хорошо...» Он слушал внимательно, так, как слушал, когда ему читали книгу.

– Давай это сыграем! – спустя какое-то время сказал он, потащил меня к пианино и поставил на подставку для нот книгу «Мойдодыр».

– Ну, давай это играть! – требовательно сказал он, и, видя мое замешательство (как это можно играть?), начал играть сам. «Одеяло убежало...» – произнес он и нажал пальчиками на клавиши, извлекая громкий звук, «улетела простыня...» – и новый аккорд пальчиками... Он играл «Мойдодыра»...

Для него нет границ или рамок. Его мышление свободно. Оно синтетично. Оно смело, креативно. Возможно все.

Как потом из таких детей вырастают рамочные, структурированные, правильные и несвободные люди?

Он с мамой приехал ко мне в пансионат, где я в тишине и одиночестве жила и писала книгу, и провел со мной день. Уже садясь с мамой в такси, он спросил удивленно:

– А ты с нами не едешь?

– Нет, я остаюсь здесь.

– Одна остаешься?

– Да, остаюсь одна.

– Но тебе же одной может быть скучно.

– Ну, ничего, – улыбаясь, говорю я ему, – немного поскучаю.

– Так давай я с тобой останусь! – радостно, как будто нашел самое правильное решение, сказал он, начиная выходить из машины. – Тебе же со мной будет веселее!

И я, которая только и ждала, чтобы остаться одной и вернуться к рукописи, смеюсь от души – с ним мне действительно «будет веселее»!..

Он уверен, что ему всегда и везде рады. Что он везде кстати. Что без него нигде не обойдутся. Он уверен в своей ценности для других.

Как появляются потом в ребенке боязнь показаться навязчивым, быть не к месту, быть лишним? Откуда в нем возьмется неуверенность и низкая самооценка?

Ему разрешили разрисовать свое окно перед Новым годом, чтобы сделать комнату праздничной. И он вместо снежинок или снеговика – нарисовал, накалякал чего-то невообразимое – яркие сгустки всех цветов.

– Ну что это за каляки-маляки? – возмущенно спросила его мама.

– Это не каляки, – совершенно серьезно, даже обиженно ответил он. – Это – шедевры!

Он абсолютно уверен, что все, что он делает, он делает очень хорошо. Он высоко ценит себя и свои произведения. Он уверен в своей гениальности.

Как из детей с высокой самооценкой, уверенных в своей гениальности, – формируются закомплексованные, робкие, неуверенные в себе и своих способностях взрослые?

– Ты возьмешь с собой в лагерь свой барабан? Там будет школа барабанщиков, – спрашивает шестилетнего мальчика мама.

– Я буду всех учить играть на барабанах? – радуется ребенок, будучи абсолютно уверенным, что он умеет это делать настолько хорошо, что может учить других.

Он чувствует себя главным действующим лицом в центре любого события. Мир действительно существует для него и вертится вокруг него.

Как потом из таких эгоцентричных детей вырастают люди, чувствующие, что жизнь проходит мимо, что этот мир не для них, что они где-то на окраине жизни? Как из таких детей вырастают люди, только и говорящие: не могу, не умею, не знаю, я уже пробовал...

– Мама, позвони моей учительнице и скажи ей, что она не должна в школе работать, – говорит семилетний мальчик. – Учителя же должны детей любить, а она нас не любит. Она кричит на нас. Она злая. Ты ей скажи, мама, что ей не надо больше учительницей работать...

Он уверен в справедливости этого мира. Он уверен, что взрослые тоже живут по справедливости. Что плохой человек должен понять, что он плохой, и исправиться. Что достаточно что-то сказать – и все изменится. Он верит в перемены к лучшему.

Как потом из таких чистых и верящих детей вырастают люди, не верящие ни в справедливость, ни в перемены, ни в себя?

Он подходит и спрашивает с нетерпением:

– Ну, когда уже будет Новый год?

Под елкой лежат подарки от Деда Мороза, но взять их можно только тогда, когда наступит Новый год, он это знает. Поэтому уже не в первый раз он заходит на кухню, где взрослые заняты последними приготовлениями, с одним и тем же вопросом.

– Ну, когда уже будет Новый год?

Ему отвечают, показывая на часы:

– Еще полчаса. Вот когда эта большая стрелка дойдет до цифры «12» – будет Новый год.

Он приходит через несколько минут все с тем же вопросом:

– Ну, когда уже будет Новый год?

Ему опять показывают на часы, большая стрелка на которых сдвинулась всего на несколько минут, и говорят:

– Вот когда большая стрелка подойдет к цифре «12», тогда и будет Новый год. Вот тебе часы, смотри и жди, когда наступит Новый год!

Он уходит с часами.

Он возвращается буквально тут же. Возвращается радостный, с криком:

– Ура! Новый год! Уже Новый год!

Все взрослые с недоумением смотрят на часы, которые он им показывает.

Большая стрелка подошла к цифре «12». Подошла не сама. Он ее «подвел».

Он – преобразователь мира, активный и деятельный человек, который не привык ждать, который хочет сам создавать нужную ему ситуацию. Он смелый в своих действиях. Он не оглядывается по сторонам и не спрашивает: «Можно, я это сделаю?» Он управляет событиями сам, не ожидая, пока все само сложится.

Как потом из таких активных и смелых преобразователей формируются послушные, безынициативные, боящиеся ответственности люди?

Он увидел кошку, сидящую на тротуаре, и радостно сделал к ней несколько шагов, чтобы погладить ее.

– Не трогай ее, посмотри, какая она грязная, – сказала я. – Эту кошку нельзя трогать, на ней много микробов, она бегала по помойкам...

– Так давай ее помоем! – радостно говорит он. Говорит так легко, так естественно: действительно, если кошка такая грязная – надо просто ее помыть!

Он готов все изменить. Он ни в чем не видит сложностей и проблем. У него – все просто.

Как формируются потом люди, живущие в ограничениях и невозможностях, проблемах и сложностях?

– Это кто? – спросил он, увидев маленькую икону у меня на столе.

– Это – икона, изображение Бога.

Постоял, посмотрел.

– Ему нужно молиться? – спросил он.

– Да.

Постоял, глядя на Бога, потом молитвенно сложил ручки, закрыл глаза, помолчал. Потом – как ни в чем не бывало пошел играть.

С ним – все в порядке. Он – с Богом.

Как эти изначально чистые и верящие дети, соединенные с Богом, вибрирующие с Богом – становятся атеистичными, циничными, ни во что не верящими взрослыми людьми?

Возвращаясь из детского сада, уже подойдя к подъезду, мы с ним вспоминаем, что забыли санки в детском саду. Надо идти обратно, а так не хочется!

– А давай Бога попросим – пусть санки привезет! – говорит он мне. Говорит легко и убежденно, абсолютно веря, что все, что просят у Бога, Бог дает! Абсолютно веря, что все – возможно! И я думаю: так, наверное, чисто и свято Иисус верил, что может пройти по воде – и шел по ней!

*Он верит. Он чист в своей вере во все хорошее, во все – возможное.
Как потом получают оторванные от Бога одинокие, неподдержанные люди?*

Как? Как это происходит? Как происходит замена изначальной детской уверенности взрослой неуверенностью? Активности – пассивностью и безынициативностью? Высокой самооценки – закомплексованностью? Веры – неверием?

Что мы делаем с ними, если они меняются, и часто, надо признать, не в лучшую сторону?

Как нам воспитывать их, как формировать их лучшими? Сильными и уверенными. Самостоятельными и ответственными. Таковыми, чтобы они могли выстоять в этой жизни. И не просто выстоять, выжить – а жить ярко, интересно, достойно.

Эта книга – возможность рассмотреть все закономерности и последствия нашего воздействия на детей.

Возможность получить ответ на глобально важный вопрос: как мы делаем наших детей такими, какими они становятся.

Как нам, родителям, помочь ребенку вырасти в лучшую, самую яркую, красивую, правильную версию самого себя. Чтобы он мог быть счастливым и успешным. Быть любящим и отдающим.

Чтобы мы в старости рядом с ними тоже чувствовали себя счастливыми.

Окруженными любовью и уважением.

Глава 1. Система убеждений – ребенок и родитель

Событие № 1

Несколько лет назад на вечере встречи выпускников школы, в которой я когда-то работала психологом, я обратила внимание на один факт. То в той, то в другой группе бывших учеников, встречавшихся после многолетней разлуки, я видела одну и ту же повторяющуюся сцену – кто-то доставал фотографии своих детей и с гордостью показывал бывшим одноклассникам. Потом кто-то другой показывал своего ребенка или детей. Так продолжалось в течение вечера – я постоянно видела этот обмен, показ, демонстрацию детей, родившихся за тот период, пока одноклассники не виделись.

Меня это заинтересовало: люди рассказывали друг другу об успехах, о делах, о переменах в жизни и обязательно в какой-то момент хвастались – иного слова не подберу – наличием ребенка. Тем, какой у них ребенок или сколько у них детей. И я подумала: это действительно одно из их достижений за период, прошедший с момента окончания школы. Это одно из важных событий, наряду с окончанием вуза, открытием своего дела, покупкой квартиры или иными успехами. И судя по тому, как часто в течение вечера я наблюдала эту ситуацию, одно из самых важных их достижений. Одно из самых важных событий, которое за этот период произошло в жизни. Может быть, самое важное событие. Событие номер один.

Я много раз потом возвращалась к этой мысли: что есть рождение ребенка в жизни любого человека? Что это за событие? Какова его важность? И каждый раз отвечала себе: это самое важное. Важнее – нет. Все остальные свершения и достижения – вторичны. Потому что выпустить в свет человека, дать жизнь другому существу – что может быть важнее? Открытие фирмы? Покупка машины? Ни одно из достижений, я уверена, не сравнится с этим, казалось бы, простым событием – я родил ребенка.

Это момент такого непостижимого творчества, это такое недоступное для понимания ума чудо – сотворение живого человека, выращивание его в себе (это может понять только женщина!), выпускание его в свет – и вот в твоих руках маленький, трогательно миниатюрный человечек и целая жизнь – жизнь, которую сотворил ты.

Это событие – рождение ребенка – необыкновенно важно еще и потому, что вызывает самые мощные перемены в жизни людей. Оно вызывает изменения в теле женщины, ее самочувствии, внешнем виде. Это действительно мощная перестройка, когда тело женщины становится сосудом для формирования и выращивания ребенка. Когда она уже больше не принадлежит себе полностью – и власть над ее телом переходит к этой новой жизни. Девять месяцев этой внутренней связи – служения будущему ребенку, позволения ребенку использовать твоё тело, как инкубатор, как сосуд для роста, питания. Это не может не отразиться на психике женщины, в переживании удивительных ощущений – в тебе растет другое существо. Оно питается через тебя, оно из тебя берет все необходимое для строительства своего тела. И ты обнаруживаешь, что у тебя вдруг стали ломкими ногти или волосы стали сыпаться. Или резко, непреодолимо вдруг хочется арбуза, а на улице – декабрь... Выносить ребенка – уже испытание на прочность, на терпимость, на принятие. Только еще выносить... А растить?

Его появление – это испытание. Потому что все меняется с его появлением. Все – от привычек и пристрастий, от режима дня, питания, образа жизни – требует перемен. И так странно бывает осознавать, какие глобальные перемены в жизни вызывает такое крошечное, беспомощное, казалось бы, ничего еще не умеющее требовать существо.

Но все меняется. Меняется жизнь. Меняются отношения. И появление ребенка – один из самых серьезных кризисных периодов для семьи.

Этот период – вынашивание и появление ребенка – всегда описывается как важный период в жизни женщины. Но какой это важный, а иногда и страшный период для мужчины! От тебя ничего не зависит, и ты не в силах ей помочь – она в этом процессе физиологического вынашивания все равно остается наедине с ребенком. Тебе только остается быть рядом, терпеть меняющийся характер, капризы, смены настроения. Она начинает рожать, и опять – ты не в силах помочь, ты можешь только переживать и надеяться на лучшее. И после родов, когда, казалось бы, все самое напряженное и волнующее позади, появляется много неприятного. Женщина, для которой ты был самым любимым и единственным, теперь больше любит другого человека – ребенка. Ты становишься номером два. И как сложно пережить этот период, когда ей – не до тебя. Как сложно пережить перестройку ее характера, вкусов, режима дня.

И как сложно осознать, понять, принять это другое существо, которое девять месяцев существовало в виде какого-то бестелесного образа. Теперь у этого существа есть тело – маленькое, хрупкое. И какое это чудо, и как сложно осознать, что это – твоя плоть. Мужчине это гораздо сложнее понять, принять, чем женщине, которая девять месяцев была с ребенком одной плотью, уже была соединена с ним в одно целое. И как сложно мужчине *почувствовать* это существо – гораздо сложнее, чем женщине, которая чувствует его на уровне духовной и телесной связи.

Это действительно событие. Это – чудо. Рядом с тобой появляется маленький человек, который входит в твою жизнь и становится частью ее. Он живет рядом с тобой, ест, спит, плачет, смеется. Он растет. Задает вопросы. Он играет и шалит. Он чего-то требует. Он – часть твоей жизни. Он уже вошел в нее.

Рождение ребенка – это действительно событие огромной важности. И это событие – не временное, не проходящее. Это событие на всю жизнь. Этот маленький человек, который будет расти и расти, – он будет рядом с тобой, в твоей жизни, в твоих мыслях и переживаниях всю жизнь.

Недавно дочь, влетевшая ко мне с каким-то вопросом во время моего важного телефонного разговора, сказала: «Ой, мам, извини, я тебе помешала?», – и увидя, как я просто махнула ей в ответ рукой: мол, чего уж там, в первый раз, что ли, – расхохоталась и сказала уже серьезно: «Слушай, и правда, я всю жизнь тебя отвлекаю, мешаю каким-то твоим делам. И мой ребенок – постоянно меня отвлекает, в чем-то мешает. И это – на всю жизнь, навсегда!»

Это – навсегда!

Это событие – навсегда!

Это – непрекращающееся общение. Непрекращающаяся связь. И непрекращающиеся дела.

«Чем я раньше занималась, что я раньше вообще делала, когда ее не было?» Я помню этот вопрос, который рождался во мне в первые месяцы жизни моей маленькой доченьки. Жизнь до нее казалась пустой и ненаполненной. Ну, ходила на лекции, ну, почитала дома книгу, посмотрела телевизор, ну, ходила в гости. И все. Все так спокойно и привычно. А тут – постоянные дела, непрекращающиеся дела и хлопоты. Покормить, перепеленать, постирать, погладить, обработать пуповину или присыпочкой припудрить все нежные складочки на теле доченьки, покачать, подготовиться к купанию, искупать и опять – обработать, присыпать, запеленать, покормить, уложить, покачать... И постоянное беспокойство – почему она плачет? Почему плохо покушала? Когда она, наконец, заснет? Что эта за легкая сыпь на ручке – а может, она заболела? Почему она плохо набирает вес? Чем ее покормить? Когда же среди всех этих хлопот я себя покормлю? И когда я уже выплусь?..

Это событие – рождение ребенка – и есть сама жизнь – во всей ее полноте дел, переживаний, эмоций. Во всей полноте счастья и огорчений, которые может дать нам только ребенок.

Наверное, только после рождения ребенка и начинается твоя настоящая полноценная жизнь.

Жизнь, приобретающая истинный смысл.
Жизнь, которая начинается заново.

Неизведанная новизна

Рождение ребенка – начало нового этапа жизни, отношений. Ново все – твои чувства, состояние тела после родов, твои обязанности.

Надо что-то с ним делать, но как? Сколько бы ты ни читал об этом, ни слышал чьи-то рассказы, ни смотрел кино, что и как делать с ребенком – это тот опыт, который каждый проходит впервые и в одиночку. Который ярко переживается каждым человеком на уровне эмоций, чувств. Разных эмоций и чувств.

Чувство беспомощности, когда он заходится от крика и ты ничем не можешь ему помочь, потому что просто не понимаешь, что с ним. Сомнения, страх – вдруг я не справлюсь?! Отчаяние и ощущение непоправимости: я его уже родила, и с этим уже ничего нельзя сделать! Восторг и умиление до слез, до мурашек на теле – от ладошки этой маленькой, трогательной у спящего малыша. Желание его придушить – когда он орет, не прекращая, вторые сутки...

Я помню себя молодой и очень испуганной, беспомощной мамой, когда только начала проходить этот опыт – быть мамой, отвечать за жизнь ребенка. Все было ново – и как его держать на руках, и как пеленать. И когда моя маленькая доченька плакала, я тоже иногда плакала вместе с ней от собственной беспомощности, просто не понимая, чем ей помочь. И пугалась сама себя – когда на смену такой огромной, щемящей, рвущей сердце любви к ней – крохотной, уязвимой, моей маленькой дочурке – приходило чувство ненависти: когда она прекратит орать! Потому что сил больше не было это слышать и спать хотелось. Так мучительно хотелось спать!

Я помню, как впервые поймала себя на этом ужасном чувстве – что мне хочется что-то сделать с ребенком, чтобы он уже замолчал. Я так испугалась тогда этого чувства, что подумала – может, я ненормальная мать, нормальные матери должны любить любого ребенка, и орущего тоже. А я, уставшая от постоянного недосыпания, от непрекращающегося крика младенца, от собственной беспомощности, – не чувствовала к нему никакой любви. И я, испугавшись этой ненависти, вдруг прорвавшейся у меня к этой малютке, поделилась своими переживаниями со своей подругой – тоже мамой маленького ребенка. И она в ответ ободряюще сказала:

– Ты знаешь, мне самой его иногда хочется придушить!

Она сказала это как-то легко, не мучаясь осознанием, что ребенок вызывает в ней такие чувства, но меня это не успокоило, не ободрило. И я сказала:

– Может, мы с тобой две такие уродки, что не умеем всегда, постоянно любить детей?

Она ответила:

– Знаешь, я поделилась этим со своей мамой, а она сказала, что это нормально, что в детстве, когда я не спала ночами – к ней тоже иногда приходило такое желание – чтобы я уже заткнулась навсегда... А я тут сынишку успокаивала, укачивала на руках, а дело было летом, я – на девятом этаже, и у меня уже не было сил его больше качать. И я вдруг поняла, что я могу его вот так – раз, и в окно выбросить, потому что просто больше не могу... И я от окна отошла, потому что поняла, что испытываю такое страшное раздражение, что действительно уже за себя не отвечаю...

Я, потрясенная услышанным, успокоилась немного и подумала, что я – нормальная мать, что мне моего ребенка не хочется выкинуть из окна, а так – придушить немножко, чтобы он замолчал на время и дал мне поспать. И сама опять испугалась своим чувствам – ничего себе, нормальная мать...

И часто, гуляя с ребенком, встречаясь с такими же неопытными молодыми мамами, заводила с ними разговоры, чтобы понять – нормальная ли я мать. Правильно ли я чувствую? Правильно ли я делаю? Потому что ничего же сама не знала, как надо. Такое это новое было ощущение, роль, опыт – быть мамой.

Это такая новая роль. Это новые умения. Это новые качества, которые раньше не проявлялись так ярко. И в этом смысле рождение ребенка – это действительно событие, которое позволяет человеку реализовать себя, раскрыть себя, выпустить из себя какие-то качества, которые спали в нем и не проявлялись так ярко, как проявляются именно с рождением ребенка.

И в этой новизне, в этом потоке действий и эмоций начинает формироваться, складываться наше отношение к ребенку. Отношение не только реальное, практичное. Отношение на уровне каких-то наших выводов, убеждений, представлений: что такое ребенок, что такое родитель. Что я, как родитель, должен или не должен делать по отношению к ребенку.

Вся эта система убеждений, каждое из этих представлений и убеждений независимо от нашего желания начнет программировать нас на определенные поступки, на конкретное поведение по отношению к ребенку, выражаться в конкретном стиле отношений.

Каждое из них приведет, в свою очередь, к конкретным результатам, последствиям в воспитании детей. К воспитанию лидера или неудачника. Поддержки в жизни – или обузы и проблемы. Уверенной в себе, ценной и достойной личности – или маленького, слабенького, робкого и несамостоятельного человечка.

Давай спокойно и последовательно посмотрим, как формируются эти представления. В чем их смысл. Большинство родителей – я уверена в этом! – даже не осознают этих убеждений и представлений, просто претворяют их в жизнь своими поступками по отношению к детям и получают результат, который их же часто ставит в тупик – как у них получился такой ребенок? Как он таким стал – ведь они не этого хотели для него!

Представления о ребенке

...Он живет в тебе – и ты чувствуешь его толчки. Он – часть тебя. Он – плоть твоя и кровь. Он – твой. Принадлежащий тебе. Он – твоя собственность.

Это особенно ярко чувствуют женщины, носящие ребенка в своем теле. Но даже когда ребенок покидает это тело и начинает жить отдельно – это ощущение не исчезает.

Он – часть тебя. Он – твой.

Это чувствуют и мужчины. Не сразу, постепенно, но приходит ощущение, что он – твоя плоть и кровь. Это – часть тебя. Это – принадлежащее тебе существо. Он – твой.

Это отношение к ребенку как собственности, как к принадлежащему тебе, твоему существу и формирует у родителей убеждения, которые потом отразятся на всем процессе воспитания ребенка. На выборах методов воспитания, на возможности (скорее – невозможности!) увидеть в ребенке отдельную личность.

Давай запомним эти убеждения:

Ребенок – мой. Это моя собственность. Это мне принадлежащее существо.

...Он рождается крохотный, такой уязвимый, такой беззащитный.

Он – маленькая живая кукла. Маленькие ладошки. Маленькие игрушечные ножки. Пальчики, как лепестки. Ноготочки, как пергамент. Одна только мысль состричь ему ноготочки пугает – даже маникюрные ножницы кажутся большими, и так страшно нечаянно причинить ему боль.

Маленькая, просто кукольная одежда, вызывает умиление. Он – маленький. Он такой маленький...

И это отношение к ребенку как к маленькому – тоже одно из убеждений родителей, которое потом долгие годы будет определять в воспитании все – и выбор методов, и постоянный контроль, и недоверие, и опеку, и желание его оградить, защитить, уберечь.

Давай запомним это убеждение:

Ребенок – маленький.

...Он лежит в кроватке маленький и совершенно беспомощный. Он ничего еще не может сделать сам. Он еще не сформировался окончательно. Он еще не развит. Он еще как полуфабрикат. Он еще «недоделан». Это пока какое-то неполноценное существо, которому еще расти и расти, формироваться, совершенствоваться.

И эти представления о ребенке как о чем-то несовершенном и недоделанном потом во взаимодействии с ребенком и определяют методы воспитания, стиль отношения к нему, непрекращающееся желание его доделать, переделать, исправить, улучшить.

Давай запомним это представление:

Ребенок – это что-то несовершенное, «недоделанное».

Эти три группы представлений о ребенке, часто до конца не осознаваемых родителями, являются теми базовыми представлениями, которые лежат вообще в основании нашего отношения к детям. Которые потом и определяют весь стиль наших отношений, все наши методы и приемы воздействия на детей.

И которые приведут нас к стольким родительским ошибкам...

Представления о родителе

Что такое быть родителем? Что включает в себя это понятие – родитель?

Только ли это человек, который родил, дал жизнь? Или это человек, обладающий какими-то качествами, умениями?

– Какими? – спрашиваю я родителей на тренинге и редко слышу какие-то вразумительные ответы. Потому что мы не задаем себе таких вопросов.

Осознание того, чем я должен овладеть, какие качества должен в себе открыть, если выбираю дать жизнь другому существу и быть для него родителем, большинству людей не присуще.

Мы редко осознанно вызываем и проявляем такие качества. Но из нас – неосознанно, но мощно вытаскиваются, появляются на свет другие. Они потом и будут руководить нами и всем процессом нашего взаимодействия с ребенком.

...Он такой крохотный и такой беспомощный. Он пропадет без меня. Я отвечаю за него. Он абсолютно зависим от меня. Я отвечаю за всю его жизнь – за его питание, его сон, его здоровье, его внешний вид. Я отвечаю за все.

И это такое «клинящее» голову чувство ответственности. Ответственности за жизнь этого маленького беспомощного существа. Любой сквозняк может унести его жизнь. Любой микроб может вызвать болезнь. Одно неверное движение – и ты делаешь ему больно. Одна твоя ошибка может привести к печальным последствиям. Нигде, ни в какой сфере нет такой ответственности, такого риска, такой платы – как здоровье, жизнь ребенка.

И все взаимодействие с ребенком наполнено этой огромной ответственностью – где я отвечаю за его жизнь, здоровье, поведение, успехи. Я отвечаю за него. Ответственность за его жизнь – на мне.

Давай запомним эти убеждения.

**Быть родителем – это взять на себя ответственность.
Воспитывать ребенка – это отвечать за него.**

Как много последствий вызовет это представление о родительской ответственности! Живя в этом убеждении, мы просто неспособны будем снять с себя бремя ответственности, неспособны будем передать ответственность детям, будем вынуждены постоянно быть рядом с ними и брать на себя решение всех проблем...

...Он – маленький и беспомощный. Он ничего еще не знает и ничего не понимает. Он ничего еще не умеет.

Каждый родитель, находясь рядом с таким вот «неполноценным» существом, невольно начинает осознавать свою великую ценность. Свою величину. Каждый, невольно, но приходит к ощущению себя большим, взрослым, умным, умелым.

Запомним это убеждение о родителе:

Родитель – это большой, взрослый, умный человек.

...На смену полной родительской неопытности – уже спустя несколько дней после рождения ребенка – приходит ощущение некоего знания и опыта.

Я знаю, как его приложить к груди.

Я знаю, как обработать его пуповину.

Я знаю, как его пеленать.

Спустя несколько месяцев после рождения ребенка есть уже более прочное ощущение, что ты знаешь, что ему нужно. Ты действительно уже много знаешь, что нужно малышу.

Я знаю, как его одевать, собираясь на улицу. Я знаю, чем его покормить. Я знаю, когда его укладывать спать.

Знания накапливаются по чуть-чуть, но постепенно создается некое ощущение *полноценности* знаний.

Я знаю, чем ему заниматься. В какие игры играть. Какие книжки читать. Что рисовать.

И со временем мои знания становятся прочными. Становятся основательными, незабываемыми. И есть ощущение, что я знаю не только то, что сейчас надо ребенку, но что вообще ему надо в жизни. И есть ощущение правильности собственных знаний.

И это ощущение собственного знания становится глобальным. И ощущения собственного знания, мудрости захлестывают родителей. И неосознанно формируют представления:

Родитель всегда знает, что нужно его ребенку. Родитель – всегда прав.

И эти представления о родителе как о знающем, всегда правом тоже сыграют свою важную роль в воспитании детей, в нашем отношении к ним. Потому что разве вообще есть место детской самостоятельности и свободе рядом с такими вот знающими и всегда правыми родителями?

...Я решаю, как он будет одет. Я решаю, чем он будет накормлен. Я решаю, когда он ляжет спать. Я решаю, когда он пойдет гулять.

Я делаю за него все выборы, потому что он еще не может выбрать сам.

Я делаю за него все действия, потому что он еще не может действовать сам.

Я принимаю за него все решения – потому что он сам не может решить.

Я управляю всей его жизнью. День за днем. Месяц за месяцем.

И это постоянное руководство и управление жизнью ребенка и формируют мои убеждения о том, что такое быть родителем.

Родитель – это тот, кто все решает. Родитель – это тот, кто управляет и руководит жизнью ребенка.

Давай запомним и эти убеждения.

Все эти представления о родителе как о взрослом, умном, опытном и знающем человеке, который полностью отвечает за ребенка и управляет его жизнью, определяют потом все наши педагогические воздействия. И все наши бесчисленные ошибки.

Убеждения со стороны

Кроме тех убеждений и представлений о ребенке, о родителе, которые формируются в нашем собственном опыте общения с детьми, есть целая система убеждений и представлений, уже существующая в социуме. И которая неминуемо передается нам от социума.

Это убеждения и представления наших мам и бабушек, наших друзей, вообще людей, с которыми мы взаимодействуем в жизни. Они приходят к нам в виде советов, «добрых» пожеланий, напутствий. И мы, невольно, принимаем эти чужие убеждения за руководство к действию.

«Не приучай к рукам!» Такое наставление слышала, пожалуй, каждая мама. Любящие нас наши мамы или бабушки советовали нам это.

«Не подходи к нему, когда он плачет! Пусть поорет и поймет, что к нему никто не подойдет, а то будешь таскать его на руках постоянно!» Так мог звучать этот «добрый» совет.

Но что таится за этим «добрым» советом?

Не цени своего ребенка. Не обращай внимания на его чувства. Не обращай внимания на его настроение. Не обращай внимания на его состояние. (Ведь плач ребенка является в первые месяцы его жизни единственным языком, которым он привлекает внимание мамы по всем случаям дискомфорта – голоден ли, мокрый ли он, болит ли у него что-то, одиноко ли ему, нужна ли ему любовь!)

«Мало ли, что он хочет! Он должен спать по часам. Он должен есть то, что ты ему приготовишь. Он должен слушаться». Так тоже могут звучать «добрые» советы. И за ними опять скрытое представление: не цени желания и чувства ребенка. Ребенок – это что-то неценное. Ребенок – это что-то бесправное. Ребенок должен быть послушным. Он не имеет права сам решать. Все должно быть так, как захочешь ты, взрослый.

И в этом – слышатся все те же знакомые уже убеждения. Родитель – умный, знающий и руководящий. Ребенок – маленький, подчиняющийся, сам ничего не решающий.

И какие это опасные убеждения!

Зачем нам дети?

Именно этот вопрос я задаю родителям, когда начинаю вести тренинг для родителей. Я задаю простой, на первый взгляд, вопрос: «Если ты родил ребенка – то зачем ты это сделал?»

И никогда сразу не слышу вразумительный ответ. Потому что такие вопросы мы себе не задаем. Мы просто рождаем детей без *осознанной* цели, потом так же неосознанно что-то делаем с ними, потом – поражаемся результату...

Это удивительно, это поразительно, это каждый раз приводит меня в состояние искреннего изумления, но решение иметь ребенка часто принимается нами так неосознанно, так безответственно, так бездумно, как не принимается даже решение купить кофточку. А уж завести дома собаку...

И парадокс заключается в том, что те люди, которые не рискуют заводить собаку, потому что она принесет много хлопот, ее надо кормить, с ней надо гулять, – с легкостью и бездумностью заводят детей. Детей, которых не только надо кормить и с которыми надо гулять, которые при этом еще и писают, и какают, и орут благим матом, и болеют, и пачкают одежду, и шумят, и требуют внимания, и капризничают, не хотят ложиться спать, и т. д., и т. п.

И на вопрос, зачем тебе все это надо, зачем ты завел себе ребенка – большинство людей потрясенно молчат. Потому что не знают. Не думали об этом.

И потом, посидев над этим вопросом, начинают отвечать.

– Ну, как же, ребенок – это же продолжение рода. Чтобы род не прерывался, чтобы фамилия продолжалась...

– Просто надо родить ребенка, потому что все должны рожать детей, раз Бог дал такую способность...

– Без ребенка семья неправильная, неполноценная. Чтобы семья была нормальной, нужны дети...

– Просто это надо пережить – такие эмоции, такое событие, как рождение ребенка...

– Ну, пришло время заводить детей. Вроде все уже есть, стабильность какая-то, быт. Ребенка только нет...

– Другие уже все родили, вроде тоже нужно...

– Чтобы семью скрепить, чтобы мужчину удержать...

– Мне кажется, пока я не родила, я еще не открыла себя полностью. Я должна пережить эту роль – роль матери. Реализовать себя как женщина...

– Хочется кого-то любить, с кем-то делиться тем, что знаешь...

– Хочется кому-то быть нужной и чтобы кто-то тебя любил...

– Чтобы в старости было кому стакан воды подать...

Ответов становится больше, но все они – про одно и то же. И смысл, скрытый в каждом ответе – один и тот же.

Мне нужен ребенок *для меня самого*.

Мне нужен ребенок для решения каких-то *моих* задач (или мужа удержать, или жизнь наполнить каким-то смыслом, или себя продолжить в этом ребенке, или другим показать, что ты тоже нормальный, такой как все – тоже ребенка родил...).

И ни в одном ответе не было – мне нужен ребенок *для него самого*. Чтобы дать ему жизнь. Чтобы в мире появился еще один, *отдельный, другой* человек. И я могу помочь *ему* стать сильным и уверенным.

Хотим мы того или нет, но это скрытое, не всегда осознаваемое нами желание иметь ребенка *для себя*, для своей жизни, а не *для него*, существует у большинства родителей. И именно это отношение к ребенку как к существу, с помощью которого ты будешь решать какие-то свои проблемы, реализовывать себя, и определяет потом все – и наши методы воспитания,

и те ужасные для нас и для наших детей последствия, с которыми мы просто обречены столкнуться.

К сожалению, у большинства из нас присутствует это неосознанное желание иметь ребенка для себя. И это неосознаваемое нами убеждение:

Ребенок – это существо для меня. Он нужен мне для меня.

И это убеждение заставит нас выбирать определенные методы воспитания, которые помогут нам формировать удобного для нас ребенка. Которые дадут нам возможность использовать ребенка для себя и своей жизни.

И пусть нас не коробит это слово. Пока мы заводим детей для себя, мы все, в большинстве своем, используем их в своих целях. И нам важно понять – как и где мы это делаем, чтобы у каждого из нас была возможность задуматься и решить – хотим ли мы продолжать это делать.

Система убеждений

Постепенно из отдельных выводов о том, кто такой ребенок, какой он, что он должен или не должен делать, и кто такой родитель, какой он, что он должен или не должен делать, – и складывается целая система убеждений. Убеждений, представлений, которые и станут теми внутренними программами поведения родителей по отношению к своим детям, воплотившим эти убеждения в жизнь. Которые приведут родителей к определенным педагогическим (а часто – совершенно непедагогическим!) действиям.

(Мы много и подробно говорим о том, как каждое убеждение и представление человека о нем самом, о других людях становится его неосознанной программой поведения, в книгах «Мысль творит реальность», «Воспитание по-новому».)

Давай рассмотрим, какие неосознанные программы запускает эта – общепринятая – система убеждений. Она, действительно, общепринятая: поколения родителей считали себя вершителями судьбы ребенка, считали ребенка своей собственностью, должной подчиниться воле и решениям родителей. Поколения родителей брали на себя всю ответственность за жизнь, поведение и поступки ребенка, не оставляя ему – бесправному, маленькому, несмышленому существу – пространства и места для самостоятельности.

Давай посмотрим, как работают эти программы. И к чему они приводят.

Глава 2. Руководство и контроль

Убеждения начинают работать

Уже в первый год жизни ребенка в нас формируются эти представления и убеждения.

И весь этот комплекс убеждений и представлений о ребенке, как о маленьком и слабеньком, беспомощном и несовершенном, и о родителе, как о большом и знающем, все решающем и за все отвечающем, – начинает реально работать в наших отношениях.

Наступает закономерный период руководства и контроля над ребенком. А как же иначе – если роли распределены именно так?

Ощущение себя знающим, мудрым, опытным родителем рядом с несмышленным, ничего в этой жизни не понимающим ребенком, дает такое ощущение власти и могущества, что просто немисливо дать ребенку возможность самому решать, выбирать, строить свою жизнь, свои отношения.

Родитель, исходя из этих убеждений, должен им управлять. И руководить им. Думать за него. Родитель должен делать его таким, каким считает нужным.

Если родитель считает, что ребенок – его собственность, то можно не спрашивать у ребенка позволения на это. Можно не считаться с его мнением. Можно не спрашивать – чего он хочет? Это же мой ребенок. Мы же одно целое. Я сам решу, что ему надо. Я вообще перестаю думать о его желаниях, его настроении, его свободе.

Если ребенок нужен родителю для него, для его удобства – то его задача сделать ребенка таким, чтобы было удобно родителю.

И тогда родитель воспитывает ребенка послушным, который будет говорить нужные родителю слова, чувствовать нужные ему эмоции и выражать приятные ему чувства (как будто задача родителя – воспитать робота!).

И на долгие годы сохраняется этот стиль отношений между родителем и ребенком. Несмотря на то что ребенок растет и меняется и уже что-то может сам и знает сам, руководящее и управляющее, ответственное отношение к процессу воспитания остается для родителей неизблемым.

Я обращаю твое внимание на то, что система убеждений и представлений о родителе, ребенке, о сути их взаимоотношений неминуемо приводит родителей к определенному отношению к ребенку, к определенному стилю отношений, который характеризуется несколькими неизблемыми составляющими.

1. Ребенка надо постоянно контролировать.
2. За ребенка надо принимать решения.
3. Его надо подчинить своей воле, добиваясь на разных стадиях его роста и развития выполнения нужных родителю действий, поступков, нужного поведения.
4. За ребенка надо отвечать – ограждая его самого от риска самостоятельных поступков и действий.
5. Им надо управлять, вести по жизни, руководить всей его жизнью.

Это как бы внутренние, большей частью вообще не осознаваемые родителями задачи, которые они и решают на протяжении всего периода взаимодействий с ребенком. На протяжении многих лет.

Давай посмотрим, как проявляются эти задачи на разных возрастных этапах взросления ребенка, чтобы увидеть перекосы и недостатки этого стиля отношений, увидеть его последствия. Чтобы увидеть, как на каждом этапе роста и развития ребенка этот стиль ограничивает ребенка, его свободу выбора, свободу самостоятельности, свободу становления его личности.

Чтобы изменить потом всю систему наших убеждений и перестроить взаимоотношения с ребенком.

Ребенок начал самостоятельно передвигаться

Когда ребенок лежит в коляске или кроватке, я, родитель, контролирую его жизнь полностью. Я знаю, что с ним делать. Я знаю, когда его кормить. Когда его надо уложить спать. Когда с ним надо гулять.

Но вот ребенок подрос настолько, что научился сидеть. А потом начал ползать. И я вдруг обнаруживаю, что уже не контролирую его полностью. Потому что не успеешь оглянуться, а он уже не у тебя на виду, не у твоих ног ползает, а в соседней комнате. И я начинаю понимать, что его самостоятельные передвижения не очень хороши, они могут быть опасны для его жизни.

И из самых хороших побуждений (я же отвечаю за его жизнь!) я начинаю ограничивать его. Я говорю: «Не лазай! Не ползай! Туда нельзя! Сиди на месте!»

Я, как хороший и, главное, знающий родитель, просто не могу позволить ребенку смело и самостоятельно осваивать окружающее пространство. Я же лучше его знаю жизнь!

Я знаю свою квартиру. Я знаю, где таится опасность, где могут быть занозы или где он может споткнуться. Я знаю о вреде ползания по ковру. Я знаю, что пол холодный, и он может заболеть. (Заметим, и это притом что ребенок может выжить в самых плохих климатических условиях – такие в него вложены мощные силы для выживания!)

Но я, как родитель, знаю, что холод линолеума или паркета может быть губительным для моего ребенка. Я знаю про углы, о которые он может удариться. Я думаю, что мой ребенок (он что – слепой, глухой и тупой?) – обязательно напорется на эти углы! Я знаю о розетках, которые могут убить его током.

Я столько уже знаю про этот мир по сравнению с этим ничего не знающим ребенком, что отвергаю его первую попытку оторваться от меня даже на два метра! «Нормальный» родитель никогда не даст ребенку свободу перемещения и свободу выбора – куда ему ползти!

И я продолжаю говорить: «Ты куда? Туда нельзя. Там грязно! Там опасно! Там ток!» А иногда просто запугиваю его, говоря страшным голосом: «Там Баба Яга! Там Кощей!»

Когда ребенок начинает самостоятельно ходить, его возможности освоения мира еще расширяются, дистанция между ребенком и родителем увеличивается. А это еще страшнее, потому что мне еще труднее становится его контролировать. А я как хороший родитель знаю, что должен всегда держать ребенка под контролем, в поле моей видимости, потому что я за него отвечаю. Но когда ребенок начинает ходить, бегать – я могу не успеть что-то проконтролировать, не успеть подбежать, чтобы помешать ему взять какой-то предмет, совершить какое-то действие.

Мало того, в этом желании ребенка осваивать пространство, передвигаться по миру есть одно очень большое неудобство для меня. Я должен за ним ходить, держать его в постоянном поле внимания, а это же очень неудобно! Мне удобно, когда он лежит в кроватке или сидит в манеже. И не мешает мне заниматься моими делами. Не мешает моей жизни. (А поскольку ребенок – существо для меня, то он должен быть удобным для меня – то есть не мешать мне делать то, что я хочу, а не делать то, что он сам хочет!)

А поскольку я, родитель, руковожу им, то я и решаю, что ему место в манеже, а не в свободном исследовании мира. И опять ограничиваю его движение рамками манежа. Мне так удобнее. Мне так спокойнее!

Но, к сожалению для многих родителей, ребенка невозможно надолго ограничить рамками манежа. Ребенок подрастает и уже сам может выбираться из манежа, чтобы осваивать окружающее пространство. И опять родителю надо усиливать контроль.

Мало того, ребенок, который подрастает и все больше и больше овладевает движениями, все больше и больше доставляет родителям и окружающим людям беспокойство. Потому что он бегаёт, топает, стучит, болтает ногами.

И я опять продолжаю ставить запреты: «Не бегай! Не прыгай! Не топай! Не стучи! Не болтай ногами! Да сядь ты на место! Да посиди хоть минуту спокойно! Куда пошел? Не ходи туда!» Я, образно говоря, завязываю ему ноги. Лишаю его свободы движений. Лишаю его естественного, свободного желания осваивать, узнавать этот мир.

На самом деле, с момента, как ребенок начинает передвигаться, он начинает брать на себя ответственность за исследование мира. И это очень важный момент в его жизни. Это первая попытка быть самостоятельным. Это его первая попытка выбора. Она будет им совершена не в два или в три года, когда он захочет выбрать рубашечку или не согласится надеть ботиночки, которые я ему дам. Первая попытка выбора – что делать, самому решать в каком направлении двигаться, что исследовать в этом мире – совершается с момента, когда он начинает самостоятельно передвигаться по миру.

Но разве может «нормальный», «знающий», ответственный родитель дать ребенку свободу выбора идти туда, где ему интересно! (Все «знающие» родители даже не понимают, что это первый опыт самостоятельности маленького человека, что маленькая личность начинает сама выбирать – куда пойти, что взять в руки, что исследовать!) Но как родитель может позволить ребенку жить исходя из его желаний?!

Ребенок хочет подойти к этому дереву, но это может быть опасно! С дерева может упасть ветка – я же знаю, что с дерева иногда падают ветки! А вдруг это дерево больно какой-нибудь болезнью? А вдруг об него кошка терлась, и у ребенка может быть лишай? А может, там собачка пописала? Я, как родитель, ни за что не дам ему туда пойти! И опять и опять ставлю запреты: «Туда не ходи! Стой спокойно! Сиди на месте!»

И мне, как родителю, так спокойнее: микробов ребенок не нахватается. Ветками глазки не выколет.

А какой же удобный растет ребенок! Сказали ему сидеть – сидит. Сказали стоять – стоит. И соседи завидуют – какой хороший ребенок растет! И в детском саду, а потом и в школе таких детей любят – ими так легко управлять!

И мне такой ребенок нравится больше. Он на виду, в том месте, которое я ему определил. Занимается тем, что я для него выбрал.

А я-то, как родитель, – лучше знаю, что нужно моему ребенку!

Ребенок начал исследовать мир

Подрастая, ребенок не только осваивает пространство этого мира. Он начинает исследовать этот мир. Взаимодействовать с предметами, вещами этого мира.

Пока ребенок был ограничен в передвижениях, я, родитель, определял, с какими предметами он может взаимодействовать. Я давал ему погремушку или колечко, которое он мог брать в рот, чтобы чесать десенки. Я выбирал эти предметы.

Но когда ребенок начинает самостоятельно передвигаться, возможности его взаимодействия с миром несравнимо увеличиваются. И начинается новый этап освоения мира – этап обширного, подробного узнавания предметов, знакомства с предметами, с миром. Ребенок начинает исследовать этот мир руками.

И он уже оперирует не только теми предметами, которые я, как родитель, одобряю. Он сам теперь может взять погремушку или расческу, чашку или книжку. Он теперь может дотянуться до стола или встать на табуретку и добраться до кухонной полки. А там вилки, и ножи, и стеклянная посуда, и бутылка с уксусом.

И я, как хороший и ответственный родитель, должен опять – контролировать ребенка, следить за ребенком и ограничивать его действия.

И я начинаю говорить: «Не трогай! Не бери! Положи на место!» Я начинаю запрещать исследование мира, ограничиваю взаимодействие с миром.

Но ребенок, который в этот период весь направлен на узнавание, освоение мира, просто должен все потрогать, рассмотреть. Все предметы в этом мире надо исследовать на ощупь и все надо попробовать на вкус. Это нормальный – и обязательный! – процесс исследования мира.

Но как я, знающий родитель, могу позволить ему такое смелое и свободное исследование?

Я знаю о грязи и микробах, о царапинах и заражении крови, о стафилококке и стоматите, об инфекциях и болезнях. Поэтому в интересах безопасности ребенка я просто должен его ограничивать, говоря: «Не трогай, это грязь! Это бяка! Это кака! Не бери в рот! Убери руки изо рта! Не тащи эту гадость в рот! Да что это за ребенок!»

Но ребенок просто обязан продолжать исследование мира. Ему во время этого исследования обязательно нужно что-то разбить, разобрать на части, сломать, чтобы посмотреть, как это сделано. Нормальный ребенок должен научиться понимать, как устроен этот мир, из чего сделаны предметы в этом мире.

И начинается период наших родительских страданий, потому что эти неумолимые в исследовании детские руки тянутся к ценным для нас вещам, важным бумагам. Они пачкают одежду. Портят полировку или хорошие вещи, которые стоят денег. Сколько неудобств от этих любознательных детей!

И мы опять и опять продолжаем запрещать: «Это нельзя! И это нельзя! Не бери! Положи на место!»

Они борются, они не соглашаются. Они пытаются продолжить свое свободное исследование мира. Но мы-то знаем, как с детьми обращаться. И часто мы шлепаем их по рукам, чтобы отбить охоту свободно орудовать руками.

И отбиваем эту охоту.

И вот уже послушный ребенок сидит на месте, ручки на коленках сложил. И это уже почти идеальный ребенок, с которым можно все дела переделать, потому что он не требует внимания. Сказали ему сидеть – он и сидит, сложив ручки, ждет новых распоряжений.

– Бабушка мне рассказывала, что я была такой хорошей девочкой, что если мы с ней пойдем куда-нибудь по делам и она меня на лавочку посадит, то когда она придет через два часа, а я все на том же месте и сижу, ручки на коленках сложив! Какая хорошая девочка... –

такие рассказы всегда вызывают в зале смех. Потому что большинство мам, находящихся на тренинге – были такими вот хорошими девочками. И сейчас – своих детей делают такими же хорошими, «идеальными», удобными детьми!

Ребенок начал говорить

Каждый родитель ждет того волшебного момента, когда ребенок заговорит. Это будет так интересно, так здорово – разговаривать с ребенком! Он будет задавать вопросы, а я буду отвечать!

И первые их слова нас умиляют, и мы записываем их смешные, нелепо звучащие слова, чтобы потом, когда ребенок вырастет, рассказать ему, как он смешно говорил!

Но потом его рот не закрывается. Он говорит и говорит, он спрашивает и спрашивает. Он не умолкает. И это – утомляет и раздражает. И мы начинаем ограничивать поток его красноречия, говоря: «Закрой рот! Не кричи! Не болтай! Не шуми! Когда же ты замолчишь? Заткнись!»

И это постоянное: «Мам, а мам...», их попытки сунуть нос во все наши взрослые разговоры: «А что сказали? А зачем?» Их бесконечные: «Почему? Почему? Почему?» Их опасные вопросы про секс, про ссоры с мужем доведут кого угодно. И мы опять начинаем ограничивать и запрещать: «Не твое дело! Не суй нос, куда тебя не просят! Тебя не спрашивают! Не говори глупостей! Прекрати молоть языком!»

А это громкое пение, которое мне мешает, когда я хочу покоя после работы. И есть соседи, перед которыми неудобно: что скажут люди? Еще подумают обо мне, что я плохая мать! И я опять говорю: «Не болтай! Не кричи! Прекрати петь! Закрой рот!»

А он еще выражает свои эмоции! Он ноет, или скулит, или плачет. Или протестует, кричит, говорит мне какие-то обидные слова, обвиняет меня. И мне это совсем не нравится! Потому что я, как родитель, знаю, какие эмоции должен испытывать нормальный ребенок. Он должен улыбаться и говорить: «Да, мама! Конечно, папа!»

Поэтому я опять ограничиваю его, говоря: «Не ной! Не скули! Не плачь! Прекрати жаловаться! Закрой рот! Не канючь!»

Так постоянно, незаметно даже для самих себя мы ограничиваем свободу ребенка говорить, проявлять себя, свои чувства. Потому что нам удобно, когда он молчит! Хорошо-то как – тихо, спокойно! Мечта каждого родителя – ребенок, который спит зубами к стенке, как будто его и нет...

Но задумывается ли кто-нибудь, каково ребенку, – с его невыпущенной свободой слов, эмоций, чувств? С его нереализованным интересом к жизни, с вопросами об этом мире, предназначенном для познания, на которые он не получил ответ? С его одиночеством в этом мире, в котором он не может себя свободно проявлять. И в котором самые значимые для него люди, его родители, – его не понимают, не принимают и не помогают ему.

Ребенок начал самостоятельно думать

Он растет, и у него появляются свои мнения, свои взгляды, суждения, оценки. У него появляются свои вкусы, свои пристрастия, своя голова на плечах – и как это мне неудобно! Он начинает советовать мне, как жить. Он суется в наши отношения. И я начинаю говорить: «Мал ты еще рассуждать! Мал ты еще мне советовать! Вырастешь, тогда будешь говорить, а пока слушай, что старшие говорят!»

Он начинает рассуждать о жизни. Высказывать свое отношение к фактам и событиям. Но я-то, родитель, знаю, что это неправильные взгляды и суждения, неправильные позиции. Ну подумайте, что он, маленький и бестолковый, может знать! И я опять начинаю говорить: «Мало ли чего ты думаешь! Мало ли что ты считаешь! Подумаешь – он сказал!.. Чего ты понимаешь?»

Но он, растущий, интересующийся миром, начинает осваивать информацию об этом мире – он что-то читает, что-то смотрит, что-то обсуждает с другими. И как часто – читает он не то, что я считаю правильным, смотрит не то, что нужно, говорит не с тем, с кем нужно. Я-то знаю, что нужно читать, что смотреть, с кем общаться! И я говорю ему: «Рано тебе еще это читать! Это не для твоих ушей! У него есть свое мнение! Фу ты ну ты!»

Но ребенок хочет делать свои выводы о жизни. Выносить свои оценки. Он пытается понять правила жизни, анализирует поведение людей, не принимает взрослой фальши.

Но что он, маленький и бестолковый, может знать о жизни, о деньгах или о людях! Он слишком мал, чтобы что-то знать, поэтому мы, родители, объясним ему – как надо думать, как надо к чему-либо относиться. Это мы, родители, знаем «правильные» правила!

У нас уже есть некая правда жизни, которую мы и навязываем нашим детям. И как нас бесит, что они не хотят принимать нашей правды, а хотят создать свою! (Это же ненормально, что они хотят жить по своей правде! Они же должны жить по нашей правде!)

Мы хотим, чтобы они думали, как мы. Чтобы они соглашались с нашими мнениями. С нашими решениями. Чтобы они хотели купить себе ту куртку или кроссовки, которые мы выберем (которые нам выгодно выбрать, потому что они практичнее и дешевле!). Мы хотим, чтобы они читали те книги, которые мы им дадим. И дружили с теми детьми, которых мы для них выберем.

Мы хотим решать, когда и что им нужно делать. Чем интересоваться. Что им уже можно, а что еще рано.

Так, планомерно, последовательно, мы лишаем ребенка права на свободу мнений, суждений, ограничиваем его естественные интересы, потребности, желания. Ограничиваем его свободу быть собой. Разрушаем его веру в себя как в личность.

Какая он личность, если его мнения и позиции никого не интересуют!

Ребенок пошел в мир

Ребенок подрастает, и наступает момент, когда он выходит в мир – идет в детский сад, потом в школу.

Этот момент выхода ребенка в социум, в общение с другими людьми, в социальные группы и структуры – важнейший момент в становлении его личности. Потому что это настоящий серьезный опыт его самостоятельной жизни. Проверка его умения самому устанавливать и прорабатывать отношения. Быть взрослым настолько, чтобы самостоятельно, без родителей жить какое-то время с другими людьми.

И какая это возможность действительно сделать ребенка самостоятельным, ответственным! То есть передать *ему* право выбора, передать *ему* ответственность. Это и делают грамотные, мудрые родители, которые хотят сформировать ребенка личностью – сильной, свободной, самостоятельной.

И это то, что не делает ни один «нормальный» родитель, который *лучше знает*, что нужно его ребенку. Который знает, что ребенок еще слишком мал, чтобы что-то знать и понимать. Поэтому эти периоды, важные в личностном росте ребенка, не становятся для него поворотными. Все продолжает идти по тем же правилам. Родитель продолжает за него все решать и выбирать.

Потому что родитель все так же знает – что ему нужно носить, что надевать в детский сад. (Действительно, что он может знать о погоде, о том, что и когда надо надевать?! Я, его родитель, лучше его знаю! И что мне у него спрашивать, зачем мне с ним советоваться, когда он так мал, что ничего еще не знает и не понимает?)

Родитель также решает, что ребенок должен есть. (Ну сами посудите – что ребенок может знать о еде, о режиме питания, о калориях и витаминах? Он слишком мал, чтобы что-то знать. Я, родитель, лучше его знаю, что ему нужно.)

И начинается в жизни ребенка период двойного контроля. В саду за него все решают воспитатели – и что есть, и когда спать, и во что играть, дома продолжают все решать родители. И где, когда он сможет сам уже что-то решать, что-то выбирать?

И когда ребенок идет в школу – контроль этот, руководство и опека родителей не только не уменьшается, но и увеличивается. Потому что – разве знает ребенок об ответственности, дисциплине, пользе домашних заданий? Разве может он обойтись без родителей?

Поэтому нормальные «знающие» родители не передают ответственность за учебу ребенку, а еще больше нагружают себя ответственностью. И вместе делают уроки, или стоят за спиной ребенка, пока он их делает, чтобы он всегда был под контролем. (И как он может при этом понять, что учеба – это его дело, нужное ему, за которое он сам отвечает?!)

И родители продолжают вмешиваться в его жизнь – контролируя его свободное время, его общение со сверстниками. И ребенок опять весь под контролем. В школе им управляют, руководят учителя. Дома все так же управляют, руководят, контролируют его жизнь родители. Но где же сам ребенок? Где его жизнь, его опыт самостоятельного изучения, освоения жизни?

Мало того, каждая сторона в этом контроле требует от ребенка только одного – послушания. Родители требуют, чтобы ребенок делал то, что они хотят, и не делал того, чего они не хотят. Учитель хочет от детей того же – именно послушания. Причем послушания беспрекословного. Так детьми легче управлять.

– А ваши дети сразу делают то, о чем вы им говорите? – спрашивает учительница у родителей первоклассников. И жалуется, что не все дети сразу, как только она дает какое-то задание, не в одно мгновение начинают это делать. А кто-то еще о чем-то думает, кто-то медленно открывает тетрадь. А надо, чтобы тут же исполняли команду! Какие неподготовленные дети! Какая недоработка родителей!

Вот ситуация, которую я недавно наблюдала в школе, где учится мой внук.

Группа мам стоит перед охранником, сидящим при входе в школу. Перед ним – поставленные недавно турникеты, через которые, используя специальные карточки, могут пройти только учащиеся школы и учителя.

– Ну пожалуйста, ну можно мы пройдем, откройте нам, пожалуйста, турникет... – просят мамы.

И охранник, уже утомленный мамами, отвечает устало, раздраженно:

– Женщины, ну я же вам сказал – нельзя в школу заходить! Вы каждый день тут проситесь, и я каждый день говорю – нельзя в школу заходить! Это же делается для безопасности ваших детей. Вы что, не понимаете?!

Мамы понимают. Но после короткого молчания раздается все то же:

– Но можно нам пройти?.. Вот мы только вдвоем пройдем, чтобы детям помочь переодеться...

– Да мне все равно, кто будет проходить. Нельзя в школу заходить! Откуда я знаю, может быть, вы террористы! – возмущается охранник... – Я никого не пропущу! – строго говорит он.

И мамы затихают. На время.

– Но понимаете, – спустя мгновение тревожным хором говорят мамы, – у нас дети в первом классе...

– Ну и что? – спрашивает охранник.

– Но они только что пришли с балета... – умоляющими голосами говорят мамы.

– Ну и что? – опять непримиримо говорит охранник.

– Они же у нас в гимнастических купальниках... Они же их не снимут...

– Ну почему же не снимут? – возмущается охранник. – Что же они в них теперь на всю жизнь останутся?! – говорит он и негодуя качает головой.

– Ну, пожалуйста... – опять слышится разнотон голосов. – Ну можно нам пройти...

– Женщины, – устало и вместе с тем категорично говорит охранник, – идите к директору и пусть она вас всех пропускает. Вот даст она вам разрешение – я вас всех пропущу...

Женщины замолкают. Потом одна из них говорит:

– Ну да, пойдешь к вашему директору... Она скажет – надо учить их самостоятельности...

– И правильно скажет! – горячо говорит охранник. – Ну что же вы их так опекаете!

– Но вы поймите, – опять раздается хор тревожных голосов, – они же только первый месяц учатся, они же еще не научились сами снимать эти купальники...

– Да когда же они у вас научатся! – возмущенно кричит охранник. Потом, как бы устыдившись своего крика, говорит уже спокойнее: – Женщины, ну что же вы творите! Я вот тут сижу и вижу, как вы детей портите. Ведь вы до пятого класса их портфель носите и за руку их из школы выводите. Вот так и будете своим детям до десятого класса ширинки застегивать и носы вытирать!

Мамы притихли. Потому что – правда же. Но вскоре раздалось сразу несколько голосов:

– Ну, можно мы только сегодня...

Как говорится – без комментариев...

Ребенок становится взрослым

В этом контроле, руководстве, опеке и протекает вся жизнь ребенка. Рядом с ним на протяжении всей его жизни находятся его *знающие* и все за него *решающие* родители. И у нормальных родителей, как говорится, все схвачено. Все сферы жизни ребенка.

Родители знают, с кем ему дружить. (Конечно же, с детьми из хороших семей!)

Родители знают, что ребенка нужно отдать в кружки и секции для общего развития. И водить его в музеи для эстетического воспитания. И отдать потом в музыкальную школу, в класс обучения игре на скрипке или на фортепиано – чтобы рос культурным человеком.

А потом обязательно отдать в вуз – как же без высшего образования?

А мальчика надо будет «откосить» от армии, если мы – нормальные и заботливые родители.

И потом женить или выдать замуж за хорошего человека. Разумеется, хорошего – в представлении все тех же «знающих» родителей!

И на протяжении всей жизни ребенка могут меняться только способы управления ребенком, формы контроля над ним. Потому что родителям, может быть, уже мало просто смотреть за ребенком, как он гуляет во дворе. Надо знать – о чем он думает, с кем встречается, о чем говорит. Поэтому родители читают дневники своих детей. Прослушивают их телефонные разговоры. Проверяют карманы или сумки. Все должно быть под контролем!

Так мы и доводим их «под колпаком» нашего контроля и опеки до взрослой жизни. И дети наши так и не становятся взрослыми. И когда ими стать, если не было у детей никакой возможности жить в *собственной* ответственности, *собственных* выборах и решениях? (Сколько родителей за время моей практики обратились ко мне с жалобами на своих детей, стоящих на пороге взрослости: «Ничего ему не надо, ничем не интересуется, куда идти учиться дальше, не знает, думать ни о чем не хочет!»)

Поэтому родители сами выберут ребенку институт, профессию. (Мало ли, что он хочет и о чем мечтает? Это все глупости!) Пусть лучше будет последней скрипкой в оркестре, раз мама хотела, чтобы он играл на скрипке. Или будет врачом, который ненавидит своих пациентов, – раз уж у родителей была возможность устроить его в мединститут!

Родители будут контролировать его отношения, за кем он ухаживает или кто за ней ухаживает? Из какой семьи? Сколько зарабатывает? Какие перспективы в жизни? (Я же лучше знаю, что нужно моему ребенку. Мало ли – что он хочет, и ждет какой-то любви? Я-то знаю, что любовь заканчивается, а кушать хочется всегда!)

Родители помогут ему в выборе спутника жизни. Родители организуют свадьбу – что они, молодые, понимают в организации свадеб?! Родители решат, где молодые будут жить, как вести хозяйство. Будут контролировать, моют ли они посуду, что едят, не собираются ли заводить ребенка, предохраняются ли.

Родители будут рядом, когда у них родится ребенок. Их ребенок. Но и наш тоже – он же наш внук! И опять – надо проконтролировать! – у них же нет никакого опыта! А мы-то знаем, как рожать и воспитывать детей! И надо помочь им, чтобы правильно пеленали, чтобы молодая мама вовремя сцеживалась, чтобы правильно начали подкармливать ребенка.

И так – круг за кругом, поколение за поколением – не дают детям проживать свои жизни.

Я лучше знаю, что нужно моему ребенку!

...Я смотрю на улицу с высоты третьего этажа и вижу соседа, гуляющего с маленькой собачкой. Я часто наблюдаю эту сцену.

Он носит ее на руках. Так он гуляет с собачкой. Чтобы она не испачкалась. Чтобы не съела чего не нужно. Чтобы не убежала.

Я смотрю на это и думаю, что ничего более противоестественного я не видела. Собачка – живая, озорная, пытается вырваться, старается вылезти из-под пальто, но ее держат крепко.

Она поскуливает, глядя по сторонам, на землю, на которой хочет очутиться, но ее держат на руках, заботливо прогуливая по двору. Ее выгуливают на руках, чтобы она дышала воздухом. Ее хозяин решил, что ей так надо гулять. Сидеть под пальто и дышать воздухом. Он ведь знает, что нужно его собачке...

Прогулка окончена. Хозяин уходит с чувством удовлетворения на лице. Он наверняка чувствует себя заботливым, хорошим, правильным хозяином. Что чувствует собачка, остается только догадываться...

Каждый раз, видя эти странные, противоестественные прогулки, я думаю о правильных, заботливых, «знающих» родителях и об их бесправных, уже почти неживых детях. О детях, у которых просто нет возможности свободно исследовать мир, получать опыт самостоятельно, опыт собственных выборов, опыт собственных ошибок, которые являются обязательной, неперенной частью любого личностного роста. Нет опыта проживания собственной жизни.

Я думаю о том, что это отношение к ребенку, как к маленькому и бестолковому со стороны знающих, всегда правых родителей – не меняется годами.

Потому что не меняется сама система убеждений о детях и родителях. Эти крепко сидящие в нас убеждения и двигают всеми нашими поступками, решениями по поводу ребенка.

На каждом возрастном этапе мы как бы исходим из одной и той же логики – **ребенок, маленький и неопытный – ничего не знает, я, родитель, знаю, что ему надо. Ребенок – должен быть удобен мне, родителю, поэтому должен жить той жизнью, которую я для него определяю.**

Но даже когда ребенок вырастает, начинает соображать, и понимать, и узнавать мир – мы все так же привычно продолжаем жить в этой логике.

Так, начиная с периода младенчества, руководство и контроль определяют стиль отношения к ребенку. И даже когда он уже перестает быть ребенком, становится взрослым человеком, отцом или матерью своих детей, он все равно остается собственностью своих родителей – моим сыном или моей дочерью, которым/ой я продолжаю управлять – а как же без меня?

Мы хорошие родители

Мы все очень хорошие родители.

Я говорю это сейчас каждому читающему эту книгу. Даже если ты, читая эту главу, уже увидел какие-то свои ошибки, перекося в воспитании – ты очень, очень хороший родитель.

Если ты читаешь эту книгу, это означает, что тебе важны отношения с твоим ребенком, что у тебя есть потребность в чем-то разобраться, что-то понять, улучшить ваши отношения. Уже это говорит о том, что ты очень хороший родитель.

Мы все очень хорошие родители уже потому только, что мы родили своих детей.

Мы решили родить ребенка. И мы его родили. Мы взяли на себя ответственность пустить его в жизнь. Это действительно один из самых сильных поступков человека. Потому что если ты даже больше ничего особо значительного не создашь в этой жизни, но дашь жизнь другому существу на этой планете – твоя жизнь прошла не зря. Это высочайшая наша миссия – давать жизнь другим людям. Мы уже потому хорошие – что решились на рождение ребенка. Что выполнили нашу миссию.

Я знаю, как трудно иногда дается такое решение. Скольким приходится жертвовать, от чего отказываться, сколько препятствий стоит на этом пути. И на этом пути есть риск – и здоровья, и отношений в семье, и материальной стабильности, и карьеры. И мы все равно идем на это!

И мы до сих пор еще с ними, с нашими детьми. Мы не знаем статистики – сколько родителей отказываются от детей, не вынеся бремени ответственности. Сколько родителей, которых трудно даже назвать этим словом, оставляют детей в роддомах, подбрасывают другим людям. У каждого из нас в какой-то момент могло возникнуть (или возникало!) желание не только чтобы он уже прекратил плакать, а чтобы исчез из нашей жизни со всеми проблемами, связанными с ним, – кормлением и сцеживанием, бессонными ночами, болезнями, капризами, вредным характером и отвратительными поступками. Но в нас есть силы и ответственность быть с нашими детьми. Оставаться приверженными детям.

При этом ты сейчас можешь понимать, что натворил кучу ошибок. Что сам стиль отношений с ребенком был неправильным, что подход к воспитанию был неправильным. Но ведь ты не виноват в этом. Ведь никого из нас не учили, как правильно относиться к ребенку, как правильно с ним взаимодействовать. На основании каких убеждений строить отношения с детьми.

Этому всему мы и учимся, читая книгу «Искусство быть родителем». Книгу, написанную по материалам многих и многих тренингов для родителей. На одном из таких тренингов участница сказала:

– Я испытываю сейчас такое уважение к самой себе и ко всем родителям, присутствующим на тренинге. Мы сами в большинстве – продукты такого вот контролирующего и опекающего воспитания. Конечно, наши родители не виноваты в этом: они сами стали такими, воспитанные своими родителями. И мы должны сказать в первую очередь «спасибо» самим себе, что мы с таким воспитанием выстояли в этой жизни настолько, что смогли взять на себя ответственность – дать жизнь другому человеку. И спасибо нам, что мы растем, развиваемся как родители. Что мы учимся становиться все лучше и лучше. Мы учимся тому, как любить своего ребенка. Как его правильно любить...

Мы все – очень хорошие родители – повторю я еще раз. Потому что во всем, что мы делали и делаем по отношению к нашим детям, – есть любовь.

Просто любовь бывает разная.

Мы любили наших детей – именно так мы их любили – защищая и оберегая, руководя их поступками, ведя их по жизни за ручку, принимая за них решения. Мы не могли их любить

по-другому – вся система убеждений, существующая в социуме, заставляет нас именно так любить детей.

Такая наша любовь – это тоже одно из наших родительских убеждений. Любить – значит быть рядом, защищать и оберегать, прятать от жизненных трудностей, советовать, вести по жизни. Мы именно так любили.

Я говорю это тебе, чтобы потом, когда ты увидишь последствия подобной любви, такого нашего руководящего отношения к детям – тебе легче было понять – как же можно такое с ребенком сделать!

Мы ведь просто так их любили. Так, в большинстве случаев, любили нас. И мы, уже взрослые люди, на себе почувствовавшие последствия такого опекающего, руководящего воспитания наших родителей, такой защищающей, иногда – просто душащей любви, как правило, были недовольны такой любовью и таким отношением к себе.

Можно долго говорить о том, правильно или неправильно такое отношение к детям. Правильна или неправильна такая любовь.

Но можно просто посмотреть на результат, чтобы понять – нужна ли нам такая любовь к нашим детям. Нужна ли нашим детям такая любовь.

И можно просто научиться любить своего ребенка такой любовью, которая даст ему силы жить, быть собой, быть сильным в этой жизни...

Глава 3. Мы получаем результат

Послушание

Именно это мы хотим получить как результат. Именно это мы говорим детям постоянно – слушайся маму, слушайся бабушку, слушайся воспитателя...

Это одна из главных – осознанных или неосознанных – задач, которую ставят перед собой родители. Именно об этом результате осознанно или неосознанно мечтают все родители. Послушный ребенок. Понимающий взрослых, которых он слушается. Удобный ребенок. Удобный для взрослых.

Но удобный ли для себя? Для своей сегодняшней и дальнейшей жизни?

Однажды ко мне пришла молодая женщина с жалобами на дочь.

– Спать ее сразу не уложишь – «Мамочка, я еще поиграю!» Есть она не хочет, когда я хочу ее накормить. Зубы почистить – это целое дело! Игрушки убирает после того, как я на нее рявкну! Она все время пытается делать так, как хочет, не слушая того, что я ей говорю!

– А как должно быть? – спросила я. – Как бы вы хотели?

– Чтобы слушалась! Если ей сказали: «Иди есть» – чтобы шла и ела. Вы поймите, – сказала мама, – ей шесть лет, и она меня уже не слушается! А что я буду с ней делать в тринадцать лет? В пятнадцать? Ребенок должен слушаться взрослых! – произнесла она категорично.

– Откуда вы это знаете? – задала я ей неожиданный для нее вопрос.

И она растерялась.

– Ну, знаю... Ну а как еще?

– Вы сами были послушной девочкой? – спросила я ее.

– Конечно! – горячо ответила она. – Мама была для меня авторитетом. Я всегда ее слушалась! Всегда. Потому что она была взрослым человеком, она лучше меня все знала. Да, я ее слушалась...

– Расскажите мне, как вы ее слушались? Вспомните какой-нибудь пример из своей детской жизни...

И женщина рассказала, как однажды они с мамой пошли в магазин покупать ей туфельки. Ей было лет пять, она помнила себя очень маленькой, видящей маму снизу, держащейся за мамину руку.

– Мне очень понравились красные туфельки с бантиками, – рассказывала женщина, – они были такие красивые! Но мама сказала, что надо брать синие туфельки с пуговичками. Мама же лучше знала, что мне нужно. И мы купили синие туфельки с пуговичками. Когда я их мерила, они немного жали в пальчиках. Но мама сказала, что это ничего, что они растянутся. И поскольку мама лучше меня знала, я не стала с ней спорить. И я пошла домой в новых синих туфельках. И пока я шла – мне было очень больно, потому что туфли мне жали и натирали пальцы, но я молчала – мама же сказала, что это ничего, что они растянутся...

Женщина замолчала, чувствовалось, что ей неприятно было вспоминать об этом.

– Чем закончилась эта история? – спросила я.

– Когда я пришла домой, – после паузы сказала женщина, – мои пальчики были стерты в кровь. Но мама сказала, это ничего, не страшно, это заживет...

– И вы хотите, – сказала я ей, – чтобы ваша девочка тоже была такой вот послушной и беспрекословно делала то, что сказала мама?

И она ответила мне быстро, горячо, искренно:

– Нет, так я не хочу! – и повторила: – Так не хочу! Пусть лучше спорит, пусть не соглашается, пусть делает по-своему, но только не так, как я! Я же потом полжизни из себя эту

девочку, молчаливую и послушную, изживала. Сколько я боли получила оттого, что стоять за себя не могла... Нет! – И опять горячо сказала: – Только не так! Я не хочу, чтобы она стала такой, какой была я...

Но многие родители именно этого и хотят – послушных, молчаливых детей. Удобных для родителей. Но неудобных для своей жизни, в которой надо стоять *за себя*, иметь *свое* мнение, отстаивать *свои* убеждения, идти *своим* путем.

Но мы, родители, всеми способами стараемся делать ребенка послушным *другим*, подчиняющимся *другим*, удобным для *других*.

И они, послушные нам, потом проживают свои жизни для других, ради других, либо мучительно освобождаются от послушания, изгоняя из себя маленького раба, который в них живет.

Как ты думаешь – будут ли они нам за это благодарны?

Беспомощность

Его привела в купе вагона пожилая женщина.

– Освободите наше место, – строго сказала она мне, сидящей у окна, – ему надо сесть.

Я посмотрела на женщину. На него. И даже растерялась, так неожиданны были ее слова. И не сдвинулась с места. Посмотрела на женщину с удивлением – что она имела в виду?!

– Женщина, – сказала она мне еще строже, – освободите наше место! Эта нижняя полка – наша.

– Простите, а я где должна сидеть, по-вашему мнению, на своей верхней полке? – придя в себя, спросила я ее. Но она, не услышав в моих словах никакой иронии, все так же строго сказала:

– Освободите место! Пусть он сядет у окна!

«Он» – мужчина лет сорока, с небольшим чемоданчиком, – стоял молча, ожидая, пока ему освободят место. Был он какой-то поникший, зажатый. Никакой – говорят о таких людях.

Я отодвинулась от окна, чтобы он сел.

– Так, вот тебе пятьдесят рублей на постель, – сказала женщина. – Вот пакет с едой. На станции не выходи, а то отстанешь от поезда. По вагону не ходи. Куртку сними...

– Да что уж вы с ним так, как с маленьким, – не выдержала старушка, сидящая у окна напротив, которая тоже с интересом наблюдала эту сцену.

Строгая пожилая женщина, не обратив никакого внимания на ее слова, продолжала:

– Я позвоню маме, что я тебя посадила. Приедешь домой, пусть мама позвонит мне, что ты доехал.

Мы со старушкой только переглянулись и глаза опустили, так нелепа была вся эта ситуация, когда взрослого уже мужчину приводит, как маленького, пожилая женщина, которой, наверное, делать больше нечего, как только ехать в переполненном метро на вокзал, чтобы проводить такого вот «мальчика».

«Больной, что ли?» – подумала я. Подумала, пожалуй, даже с надеждой и сама себе поразила: ничего себе – надеюсь, что человек этот болен. Но так, по крайней мере, мне была бы понятна вся ситуация. Ведь если он здоров, то почему он такой беспомощный, что сам в вагон сесть не может, что его надо с рук на руки передавать.

Он не был больным. Обычный, ничем не примечательный, действительно – «никакой» мужчина так и сидел весь вечер у окна, выполняя инструкцию – по вагону не ходить. Сдержанно, неохотно, как-то очень уж смущаясь, отвечал на вопросы словоохотливой старушки. Так же робко, просто не умея, наверное, общаться, что-то отвечал соседу, пытавшемуся поговорить с ним о политике.

Я, сидя с ним рядом, просто наблюдала, слушала и – жалко мне его было. Таким робким, таким запуганным, что ли, он был.

– Вы мне скажите, когда вы захотите стелить постель, – сказала я ему, – и он даже как-то дернулся от моих слов, как будто в них была угроза. – Чтобы я вам не мешала, – мягко сказала я ему, – если вы захотите спать...

Он только головой кивнул.

А я подумала: он, конечно, не больной, он нормальный. Но он в то же время – ненормальный. Разве можно назвать нормальным мужчину лет сорока, боящегося мира, несамостоятельного, забитого какого-то?!

Я встречала в жизни таких людей и слышала на тренингах много историй о таких вот больших детях, которые выросли, но так и не стали взрослыми.

И поражала меня во всех этих случаях одинаковость их жизненных сценариев. Можно было только менять имена – события, факты были одни и те же.

Хороший, милый, но – незаметный, робкий человек. Прекрасный исполнитель, на котором все, что называется, «воду возят». Живет под контролем уже пожилых родителей: «Ты поел? Когда домой придешь? Почему задерживаешься?» Одинокий, так и не нашедший себе партнера в силу своей робости. Или живущий в тисках такого же, как родители, авторитарного партнера, который так же контролирует каждый его шаг. А если вдруг родители или партнер, которые вели его по жизни, исчезнут – человек испытает беспомощность и непонимание: как жить дальше?

Дальше – депрессия, постоянная депрессия. Часто – алкоголизм как попытка спрятаться, уйти от этой страшной и непонятной жизни. Иногда – самоубийство, как основной возможный способ уйти из жизни.

Каждый раз слушая об очередном вот таком сценарии, я думала грустно: а ведь начинаются такие сценарии всегда с одного и того же: «Деточка, давай я тебе гольфики надену...», – а ребенку уже пять лет. «Деточка, давай я тебе косички заплету...», – а ребенку уже восемь лет. Или: «Слушайся маму. Делай, как говорит мама. Мама знает, что тебе надо!»

И, наблюдая это в жизни, я иногда хотела крикнуть: «Уберите руки от ребенка! Дайте ему жить! Дайте ему самому проживать его жизнь!»

– Меня некому устроить на работу, – сказал мне один сорокалетний мужчина, объясняя, почему уже более года сидит без работы.

– Как это некому? А кто тебя должен устраивать? – с недоумением спросила я.

– Ну, кто-то должен... – отвечал он мне. – А у меня – ни связей, ни родственников...

– Устраивайся сам! – сказала я ему то, что сказал бы ему любой человек.

– Как же я сам устроюсь? – Он даже обиделся. – Как это я вот так приду с улицы – и устроюсь?

– Именно так. Как делает большинство людей. Приходят «с улицы» и устраивают себя сами.

– Ну, я так не могу. Меня на прежние работы устраивали...

Он так привык, что его «устроивали», что сейчас никак не может встроиться в эту жизнь... Его так долго водили за руку, что без чужой ведущей руки он уже не может обойтись.

– Ты мне дала несладкий чай, – сказала мне одна двенадцатилетняя девочка, оказавшаяся у меня в гостях. Девочку воспитывал папа – опекающий, контролирующий, просто живущий ее жизнью.

– Ну сама положи себе сахар, – сказала я ей.

И она ответила неожиданное:

– А я не знаю, сколько надо сахара класть.

– А как же ты пьешь чай? – удивилась я.

– А мне папа всегда его дает сладким. И я не знаю, сколько ложек надо положить...

Я даже не смогла сразу ответить ей, сколько ложек сахара ей надо положить в чашку, – так была поражена.

– Заплети мне косы, – попросила она утром.

И я, занятая делами, ответила:

– Мне сейчас некогда, заплети сама!

Ответ ее меня опять поразил:

– Я не умею заплетать косы. Мне папа всегда косы заплетает.

– Но, детка, – удивленно сказала я, – ты уже такая большая девочка, и ты не умеешь заплетать косы! Учись! Прямо сейчас бери и учись!

И видя ее растерянность, я сказала:

– Может быть, тебе стоит остричь волосы, тогда ты будешь просто их расчесывать?

– Нет, мой папа говорит, что у девочки должны быть длинные волосы, что это красиво, когда девочка ходит с косами...

Папа только почему-то не говорил девочке, что косы эти она должна заплетать сама, что он не всегда будет рядом с ней, чтобы заплетать ей косы. Хотя, думаю, именно на это и надеялся – всегда быть с ней рядом. Всегда быть ей нужным.

Чуть позже, придя к ним в гости, я увидела в ванной валяющиеся трусики со следами месячных. Девочка становилась взрослой.

– Ты чего свои трусики испачканные разбрасываешь? – спросила я ее.

– Я не разбрасываю, я положила, чтобы папа постирал, – ответила она мне.

И я в очередной раз просто не знала, что и сказать в ответ.

Я сказала потом все, что я думаю, самому папе. Но его позиция опекающего, контролирующего, «необходимого для дочери» отца, была непробиваемой: она еще маленькая и ему совсем не трудно о ней заботиться...

– Ты не заботишься о ней, ты лишаешь ее самостоятельности. Ты делаешь ее беспомощной в жизни, – говорила я ему.

Но он не хотел этого слышать.

Неопытность

Я мало была знакома с этой женщиной. Она сразу понравилась мне своим энтузиазмом, радостным настроением, легкостью. Только при более близком знакомстве с ней стало понятно, что все это было в ней как-то слишком по-детски наивным. Чувствовалось, что она совершенно не знает жизни, живет в каких-то розовых мечтах, строит свои замки на песке – не видя, не зная реальности.

– А давай купим какой-нибудь дом и сделаем в нем центр личностного роста, – сказала она мне однажды, когда мы ехали по городу на машине.

– Давай, – смеясь, ответила я. – У тебя есть на это деньги?

– Ну, у меня нет, но мы можем занять...

– Ты понимаешь, о каких деньгах идет речь, когда хотят купить даже не квартиру, а дом для центра личностного роста?

– Ну, не знаю... Смотри, – сказала она мне, – вон на доме растяжка – «продается»...

Мы проезжали мимо двухэтажного особняка, в котором еще недавно был шикарный ресторан.

– Ой, смотри, всего триста тысяч, можно у пяти людей занять по шестьдесят тысяч и купить этот дом. Смотри, какое место хорошее, почти в центре, – уже воодушевленно щебетала она.

А я только головой покачала – дом этот стоил триста тысяч евро, и занимать нужно было бы у пяти человек по шестьдесят тысяч евро, но ее такие мелочи не волновали, она, как ребенок, на них просто внимания не обратила.

Такой она была – переполненной планами, проектами, идеями, светлыми, хорошими, но в большинстве своем – просто оторванными от реальной жизни, которой она не знала.

Спустя неделю, когда она была участницей моего тренинга, я узнала ее ближе. Маленькую девочку, наивную и неопытную, растерянную перед большой жизнью, которой она вроде бы и не жила. Хотя уже успела выйти замуж и развестись. И родить ребенка. Но все это было как будто бы и не с ней.

Рядом всегда была мама. Она все подсказывала. Она одобрила выбор мужа. Она же потом его и забракела. Она воспитывала маленькую внучку, пока женщина много работала, чтобы соответствовать тем высоким планкам, которые всегда ставила ей мама: она должна быть лучшей во всем – и в учебе, и в работе.

И когда я после тренинга писала ей пожелание, я написала невольно: «Я буду молиться за тебя!» Я написала эту фразу и задумалась – почему я это написала? И почему это я буду молиться за нее? Я вспоминаю в своих молитвах своих родителей, дочь, внука, вообще – всех людей, желая им света и любви. Но за нее-то «персонально» я почему буду молиться? Но фраза написалась у меня так естественно, что я не стала ничего менять, просто пожала плечами, удивляясь себе.

Еще через неделю она пришла ко мне на консультацию, чтобы поговорить об отношениях с мамой.

– Она – везде, – говорила она мне. – Я так больше просто не могу. Что бы я ни говорила, она влезает со своим советом, она всегда знает, как мне надо поступить. И я ее всегда слушалась. Она убедила меня, что мне надо развестись. Сейчас муж хочет вернуться, и я чувствую, я знаю, что хочу быть с ним, но она говорит – не нужен он нам...

Она рассказывала и рассказывала, как мама всегда была с ней рядом. Всегда оберегала от жизни. Всегда во всем помогала. Как они вместе с ней писали рефераты и читали книги. Вместе занимались рукоделием. Вместе ходили на дискотеку – одну ее мама просто не пускала. Мама приходила и стояла в сторонке, наблюдая, чтобы ее никто не обидел. Как мама выбирала

ее подруг. Как мама испугалась, когда она однажды в море нахлебалась воды, – и после этого вообще к воде ее не подпускала. Она и плавать поэтому не научилась.

Эта молодая женщина утонула несколько дней спустя. Утонула, что называется, на наших глазах. Просто бегала по песчаной косе по колено в воде. Бегала, как бегают радостные щенки, которые резвятся на свободе. Мамы не было рядом, и никто не запретил ей войти в воду. Ей так хотелось купаться в этот жаркий день, но, поскольку воды она боялась и плавать не умела, – она и бегала, плескалась. Ей хватило нескольких шагов в сторону от мели, чтобы попасть в яму и уйти на дно. И сколько ни ныряли, чтобы спасти ее, ничего не получилось. Пришлось вызывать водолазов, которые приехали спустя несколько часов и долго искали ее. Нашли.

Ее тело водолазы положили на мели, под водой. Я стояла над ее телом, перекатываемом волнами, так, что лицо постоянно оказывалось опущенным вниз, и зачем-то поворачивала ее, чтобы она смотрела вверх. И она смотрела вверх, и ее длинные волосы красиво шевелились в воде, играли с волнами. И так дика была эта картинка – еще недавно живая красивая молодая женщина лежала передо мной под водой. И так противоестественно это было, что человек лежит под водой. Но водолазы сказали – пусть лежит в воде, так она лучше сохранится.

И я от беспомощности, от ужаса всей этой ситуации стояла над ней, лежащей передо мной под водой, молитвенно сложив руки, и молилась: «Господи! Прими душу этой девочки!.. Господи, прими душу этой девочки!..»

И подумала с ужасом, что вот, обещала, что буду молиться за нее – и молюсь!

Потом, пораженная этой смертью, я много думала о случившемся. О своей мистически предсказанной молитве. О том, что на самом деле ничего мистического не было в том, что я знала, что буду молиться за нее. Такой беспомощной, такой неопытной она была, какой-то отчаянно, по-детски наивной, неприспособленной, что где-то подсознательно я уже тогда понимала, что добром это не кончится.

Я много думала тогда об этой девочке, именно девочке, взрослой она так и не стала. Она осталась девочкой, чьей жизнью руководила мама. Мама строила ее жизнь. Мама создавала события ее жизни. Даже ее смерть, как бы безумно это ни звучало, – была подготовлена мамой.

Позже на тренинге одна мама рассказывала, как на ее глазах чуть не утонули два ее маленьких сына. Их, не умеющих плавать, стало уносить быстрое течение реки. Их начали затягивать водовороты. Они уже ушли под воду. Она пережила этот страшный момент осознания, что ее дети утонули. Но их спасли, откачали.

– Я тут же с детьми уехала домой, уехала с решением – никогда в жизни их больше не подпускать к воде. Приехала, рассказала обо всем мужу. И уже на другой день муж отвел их в бассейн – учиться плавать. Сейчас оба сына – мастера спорта по плаванию.

Мы, родители, готовим их к жизни. Даже когда мы не готовим их к жизни, закрывая от них собой всю жизнь, мы все равно программируем, создаем их будущую жизнь.

Мы сейчас готовим наших детей к жизни с авторитарными, подавляющими и руководящими ими партнерами. Потому что, когда ты водишь ребенка до двадцати лет за руку, ему просто придется потом искать, кто его дальше поведет за руку.

Мы сейчас программируем его возможную смерть, потому что не научили его обращаться со спичками или с ножницами, с газом или с электроприборами.

Вся неопытность, неприспособленность, беспомощность детей – результат нашего постоянного родительского контроля и опеки.

У ребенка нет возможности строить отношения ни с кем: ни со сверстниками – между ребенком и ими стою я и решаю, с кем, как, когда ему общаться. Ни с учителями – тут тоже я, которая сглаживает, договаривается, создает с учителем отношения, чтобы ее ребеночка не обижали. Ни с миром – между миром и ребенком тоже стою я, оберегая его от этого мира.

Много лет назад я подобрала на улице очаровательного сиамского котенка. И он вырос в прекрасного крупного кота. Он стал по-настоящему домашним котом. Весь его мир был заклю-

чен в рамках нашей квартиры. Он не был приучен сам добывать себе корм. Он не был приучен общаться с миром, который был за окнами нашей квартиры. Он был хорошим котом, который жил по правилам, которые мы ему установили. Вот тут была его тарелка. Тут – место, на котором он спал. Тут – его игрушки. Он был приучен к распорядку, с ним играли, им восхищались. Так было до того момента, когда он однажды просто вышел на улицу, проскользнув в дверь с уходящими гостями.

Гости ушли, я мыла посуду на кухне и слышала собачий лай. Собак было много, лай они устроили сильный.

Через несколько минут раздался звонок в дверь. Я открыла дверь. На руках моего соседа лежал окровавленный, просто растерзанный, порванный наш любимец кот.

Хватило несколько минут, чтобы его, не подготовленного к жизни, не знакомого с миром, порвали собаки.

– Он даже не бежал от них, – сказал сосед. – Даже не сопротивлялся. Не успел сопротивляться... – добавил сосед горестно.

Я часто вспоминала этого несчастного кота, общаясь с людьми, которые в детстве были заключены в рамки послушания и жили в постоянном контроле и опеке родителей, не имея возможности получить собственный опыт.

Потому что судьбы этих людей иногда очень походили на судьбу моего любимого домашнего кота. Рано или поздно они встречались с реальностью, с самостоятельностью, с необходимостью брать на себя ответственность. А ни к чему к этому они не были приучены, и, выходя в жизнь беспомощными и неопытными, они разбивали лоб о первый же угол, их кусала первая же встреченная на их пути собака, девушек совращал и портил первый же встреченный в их жизни мужчина.

Не наученные самостоятельности, не чувствующие себя уверенными, сильными – в сложных жизненных ситуациях такие люди терялись, не могли за себя постоять. Они доверялись людям, которым не стоило доверяться, так сильна была в них программа – надо кого-то слушаться. Им самим так сложно было принимать решения, что они неминуемо создавали в своей жизни серьезные проблемы, беды, одиночество, несчастья.

Но разве мы хотим, чтобы такие жизни проживали наши дети?

Безответственность

Я слышу это постоянно – на тренингах, на консультациях, в транспорте. Эти обвинения слышатся отовсюду – столь массовый характер имеет наше руководство детьми и его последствия.

– Сам себе даже еду разогреть не хочет, вермишель одноразовую ест, ему, видите ли, лень даже в холодильник заглянуть и еду себе разогреть!

Но если ты приучила его к тому, что сама для него готовишь, сама разогреваешь, сама стол накрываешь, еще и кормишь из ложечки до десяти лет, – то когда же ему научиться это делать самому? И – зачем, когда есть ты? А если тебя рядом нет, то, действительно, проще всего одноразовую вермишель кипятком залить. Ко всему остальному он не приучен, и это кажется ему таким трудным!

– Если бы я не стояла над душой – он бы уже давно учебу бросил...

Но если ты постоянно отвечаешь за его учебу, за его собранный портфель, за сделанные уроки, то это и становится делом *твоей* жизни. Не его. Это *тебе* нужна его учеба, ему она не нужна. Он же за нее не отвечал – отвечала *ты*!

– Ему ничего не надо! Он ничего не хочет!

Но если ты все за него знаешь, если ты все за него решаешь, не спрашивая о его желаниях, то откуда вдруг возьмутся его желания, его интересы?

– Он не берет на себя никакой ответственности. Ни в чем!

А ты эту ответственность ему давал? С первых лет жизни – давал? Нет, не давал. А теперь, в его тринадцать или семнадцать лет – ждешь, что в нем она вдруг появится? Ответственность – умение отвечать за что-то – формируется с первых лет жизни ребенка, когда ему действительно *дают* возможность *самому* что-то решать, что-то делать и отвечать за результат.

– Живет ничем не озабоченный. Ничем не напрягается. Ничего его не волнует! А я за него постоянно напрягаюсь!..

Но если ты постоянно «за него»... Он привык, что *ты* все знаешь, что *ты* за все отвечаешь. *Ты* все решишь. *Ты* все устроишь. Чего ему-то – напрягаться!

Мы получаем то, что создали сами, как это ни печально.

Психологический инцест

Сначала мы воспитываем его беспомощным, неопытным. Потом, глядя на такого вот, неприспособленного к жизни, говорим себе и ему: «Ну куда тебе одному идти в жизнь! Оставайся с нами!»

И он остается. Потому что ему самому так проще. Так безопаснее.

И взрослые уже дети продолжают жить с родителями. Под руководством родителей. Родители заменяют им партнеров по браку, которых у них нет. Даже если такие, привыкшие к руководству и опеке над ними дети, и выходят в мир, пытаются построить свою семью, родители живут в их семье, живут их семьей, руководя и опекая теперь уже семью взрослых людей. Опекают, руководят, контролируют – так, как делали это с ребенком, когда он был маленьким. Без родителей не принимается ни одно решение. Без их одобрения не совершается ни одно дело. Это брак, в котором не два человека, а три, или четыре, или шесть.

Я услышала этот разговор на улице, просто обходя пару – маму с дочкой. Так похожи они были друг на друга, что можно было, не ошибаясь, сказать, что они – мама и дочь. Они были похожи уже знакомой мне не просто родственной похожестью, как похожи близкие по крови люди. Нет, была в них та «похожесть», которая свойственна людям, живущим вместе, когда они как-то незаметно начинают копировать движения, жесты, интонации, как бы потеряв свою индивидуальность, став одним усредненным целым.

– Давай мы скажем твоему мужу, – говорила мама своей взрослой дочери, – что мы эти деньги уже истратили...

– А если он спросит – на что?

– А мы ему скажем, – говорит женщина, – что то платье, что мы купили, стоит дороже...

И что всякие там женские твои штучки стоят дорого...

– А если он не поверит?..

– А мы ему скажем, что муж не должен лезть в женские покупки...

«Давай мы ему скажем!» – меня просто поразила эта фраза. И весь их разговор: «Мы скажем... Мы истратили... Мы купили...»

Сколько раз встречала я таких вот мам, живущих со своими детьми, сующих свой «все знающий» нос во все: и во сколько пришел домой муж, и что сказал, и сколько получил. Мама советует – куда им тратить деньги и где отдыхать. Мама обсуждает – как отметить день свадьбы и сама его организует, не оставляя молодой семье пространства для своих решений и поступков. Мама участвует в обсуждении – пора или не пора им заводить ребенка, как будто она будет его рожать! Как будто зять будет зачинать его вместе с ней! Мама же потом будет воспитывать внука – отодвинув и дочь и зятя, потому что она-то лучше знает, как надо воспитывать детей. И этот брак, в котором родители продолжают жить с детьми, так распространен!

Но – еще удобнее и безопаснее беспомощному, неопытному взрослому ребенку вообще никуда не уходить из родительской семьи. А жить как жили. И родители действительно заменяют ребенку все – и семью, и жену или мужа. И начинается психологический инцест – брак между ребенком и родителями.

Я наблюдала жизнь одной такой «супружеской пары». Мама и дочь, живущие вместе. Маме было уже за шестьдесят, дочери – за сорок. И всегда я видела их вместе, ходящих под руку. Как раньше они вместе ходили в детский сад, потом в школу, так теперь они вместе ходили в магазин или в химчистку, в собес или в сберкасса.

Меня всегда поражал их размытый, какой-то стертый возраст. Они были так похожи – осанкой и прической, какой-то старицовой походкой, лицами безо всяких следов косметики. Одинаковая одежда – серые бесформенные плащи – немаркие, в которых не было никакой женственности и сексуальности, потому что маме сексуальность не нужна, как не нужны были

и мужчины. Поэтому и дочери мужчины были не нужны, мама давно объяснила ей, что всем им надо только одно, что лучше и спокойнее жить одной, с мамой. Так никто ее не обманет и не предаст, не оставит с ребенком на руках. Вот женщина и жила с мамой – без мужчины и без ребенка, которого просто некому было ей дать.

Они, действительно, жили как супруги. Вместе завтракали и ужинали, вместе смотрели телевизор, вместе ездили на дачу, варили варенье, пили чай.

Дочь работала, занимая какую-то незначимую должность, но была на хорошем счету, как исполнительный и скромный работник. Она зарабатывала не много, но мама давно объяснила ей, что деньги – это не главное, главное – брать на себя поменьше ответственности, а то не дай бог чего.

Так они и жили – неприметной, серой, как их плащи, жизнью и обе очень любили сериалы. Там, в сериалах, бурлила жизнь. Там была страсть, любовь, там были интриги и чувства, все то, чего не было в этом «супружестве». И каждый вечер они – две женщины какого-то усредненного возраста – надолго садились к телевизору, смотря сериалы.

Однажды случилось несчастье, и мама попала в больницу. Жизнь дочери сразу опустела. Она одна ходила в магазин и в аптеку. Она приходила домой с работы в пустую квартиру, ужинала в одиночестве. Одна сидела вечерами у телевизора. И конспектировала каждый сериал, чтобы можно было, придя в больницу, рассказать маме, что в них происходит, потому что мама должна же была знать, что в «Рабыне страсти» дон Хосе сказал донье Валенсии, что знает о ее тайне, а муж доньи Валенсии подслушал разговор... А в «Обреченных на любовь» Эммануэль похитил ребенка сеньора Вольдемара и обвинил его жену в том, что она изменила ему... А в «Клоне» – Жади ушла от мужа, а муж не отдает ей ребенка...

И заботливая дочь приносила маме в больницу подробный конспект пяти-шести сериалов.

Каждый раз, когда я встречала их, общалась с ними, я думала – эта девочка могла бы иметь свою семью, детей. Она могла бы любить, может быть – пережить несчастную, безответную любовь. Она могла бы страдать или наслаждаться жизнью, радоваться, быть счастливой, быть несчастной. Но живой. Она могла бы *жить*. А она сплелась воедино в каком-то паразитирующем симбиозе с мамой. И симбиоз этот – как что-то вялотекущее, серое, безжизненное.

И жаль мне было ее непрожитую собственную жизнь.

Мы прорастаем иногда в наших детей. Мы вырастаем в них корнями. Но как только мы прорастаем, влипаем в ребенка, соединяясь с ним в одно целое, мы заполняем собой его жизнь. И уже нет ребенка с его уникальной жизнью, с его уникальным путем, сценарием своей жизни.

Есть маленькая наивная беспомощная мушка, укутанная моей паутинкой. Есть мой маленький ребеночек, завернутый, запеленутый моей любовью и заботой. И все его попытки вылезти из этих пеленок, из паутины заканчиваются плачевно. У него нет сил вырваться – он такой маленький, такой беспомощный. И я, заботливая мама, видя, какой он неприспособленный и беспомощный, говорю: «Оставайся с мамой... Тут такая мягкая паутинка, тут так привычно...»

Паучья любовь – так можно назвать нашу опекающую, разрушающую, лишаящую ребенка всех его жизненных соков любовь.

Если это вообще можно назвать любовью...

Усталость

Если вы хотите научить своих детей воровать, заставьте их подольше выпрашивать все, что вы им даете.

Генри Уиллер Шоу

Нас так много в жизни детей, так много нашего руководства и контроля, что они устают от нас. Они пытаются закрыться, отгородиться от нас. Создать свое пространство, свою жизнь.

– Моя пятилетняя дочь повесила на двери своей комнаты листок с надписью: «Прашу ни биспакоить», – говорила одна мама на тренинге.

– А у моей дочери висит карточка – на одной стороне написано: «Можно входить», на другой: «Нельзя входить», она меняет их в зависимости от желания или нежелания общаться.

– У моего сына-подростка, – говорит третья мама, – на двери нарисован череп с костями и надпись: «Не входить – убьет!»

Мы смеемся. Хотя чему тут смеяться? Наши дети устали от нас. От нашего постоянного всевидящего ока. От нашего любопытствующего носа. От наших ушей, которые все слышат.

Они устали. И устают все больше и больше. И рано или поздно эта усталость начинает прорываться уже не только в наивном: «Прашу ни биспакоить».

– Раньше у меня был образцовый сын. Ел вилок и ножом, пользовался салфеткой, у нас всегда была красивая скатерть, сервировка. Сейчас ему пятнадцать лет, он ест одной вилок или руками. Кружку демонстративно берет не так, как все. Постель не убирает. Вещи разбрасывает. Просто – ужас!

– А чего ты хочешь, – говорит ей кто-то из участников тренинга. – Он был послушным пятнадцать лет. Он пятнадцать лет жил по твоим правилам. Сколько можно! Он хочет жить по своим правилам!..

Он хочет жить по своим правилам... Именно так рано или поздно и случается с детьми, до сих пор живущими по нашим правилам. Под нашим руководством, когда мы *знаем*, что нужно делать ребенку, как ему нужно жить.

Нам, взрослым, не нравится, что наши дети в какой-то момент устают от жизни по нашим правилам и начинают жить по *своим*. Нам эти правила не нравятся!

Ну а почему им должны были нравиться наши правила? И почему им должно нравиться жить по нашим правилам?

Они действительно устают от нашего постоянного контроля и опеки. От нашего постоянного «знания» за них.

– Я чувствую себя в прозрачной банке, – говорила мне семнадцатилетняя девочка. – Я как подопытный кролик, которого разглядывают. Я не могу остаться наедине с собой. Где бы я ни была, куда бы ни пошла – родители тут как тут: «Зачем ты туда идешь? Зачем тебе это надо?» Постоянные советы. Постоянные запреты. Я как птица в клетке. «Все это делается ради твоего счастья», – говорят мне родители. Но я – несчастлива! «Ты еще не знаешь жизни», – говорит мама. Но я хочу ее узнать, а мне не дают!..

Как бы мы ни контролировали ребенка, как бы ни следили за его жизнью, обязательно наступит момент, когда ребенок, уставший от опеки и контроля, попытается вырваться. Если он, конечно, не задавлен в первые годы жизни.

Мертвые, послушные чинные куклы, которыми делают некоторых детей – уже не пытаются вырваться. Просто живут, руководимые, водимые родителями. Живые, еще не задавленные родителями дети, пытаются вырваться. Пытаются сбросить оковы родительского контроля.

– Я водила своего сына в школу. Я водила его в музыкальную школу. Я до семнадцати лет ходила с ним в поликлинику, – говорила одна мама. – Я устроила его в институт. Теперь ему

двадцать один год. Он ничего не хочет. Он связался с панками. Я боюсь, он станет алкоголиком или наркоманом...

– Меня так любили, так контролировали, что в какой-то момент я поняла, что не могу не только на одной улице – в одном городе жить с моей матерью, – говорила взрослая женщина. – Я уехала в другой город. Но и сейчас моя мать пытается контролировать мою жизнь телефонными звонками. «Почему так много тратите денег... Почему ремонт не делаете... Почему тебя дома не было, когда я звонила...» Я уехала в другой город, – потрясенно говорила эта женщина, – но меня и тут пытаются достать!

Взрыв

Видел ли ты когда-нибудь бешеных детей?

Я – часто.

Я видела их в школе на переменах, когда какие-то озверевшие толпы вываливались в школьный коридор и начинали носиться, как будто их годами держали на привязи.

Я видела их, когда ездила с ними на экскурсии, в походы – особенно, когда группа детей была большой, и учителя просто не в состоянии были контролировать каждого ребенка.

Они зверели. Они орали. Или кривлялись, или ржали, как умалишенные, или бегали, или дрались. Они делали то, что им запрещали в жизни. То, что нельзя было делать под постоянным надзором родителей или учителей.

Они постоянно должны соответствовать требованиям, которые им предъявляли. Они вынуждены жить в несвободе. Как животные, которых вырвали из естественных для них условий и поместили в клетки, в зоопарк.

Они и живут в клетках – в рамках наших требований, долженствований, ожидания от них каких-то действий, поступков, достижения каких-то результатов, запланированных родителями. Они все время должны быть такими, какими нам нужно. Нам – все знающим и все решающим родителям. Как же можно не взорваться когда-нибудь, чтобы хоть на миг ощутить свободу быть собой и жить так, как хочешь!

Все мы рождаемся милыми, чистыми и непосредственными, поэтому мы должны быть воспитаны, прежде чем станем полноценными членами общества.

Джудит Мартин

Я была знакома с одной очень интеллигентной, очень приличной, правильной семьей. Папа, деловой и очень ответственный человек, нес на себе ответственность за содержание семьи. Мама – милая, очень порядочная женщина – была занята домашним хозяйством и воспитанием детей. Две девочки-погодки были хорошо воспитаны, вежливы, культурны.

Я помню, как впервые, находясь у них в гостях, испытала настоящие угрызения совести и чувство вины – я совсем не была такой хорошей мамой, как эта женщина.

Ее дети прекрасно вели себя за столом. Они сидели с хорошей осанкой, пользовались ножом и вилок, ели чинно, не разговаривали. Они питались диетической пищей, которую готовила мама, бульончиками и паровыми котлетками. Они пили какие-то гомеопатические таблеточки для улучшения пищеварения.

Я рядом с такой заботливой и занимающейся своими детьми мамой была просто чудовищем. У нас в доме и в помине не было никаких паровых котлеток или полезных таблеток. Моя дочь могла болтать или хохотать за столом и ножом она не пользовалась, потому что я ее к этому не приучила.

Я радовалась тогда, что моя дочь дружит с такими хорошими девочками. Они были развиты. Они посещали музыкальную школу и по несколько часов в день упражнялись в игре на фортепиано. В их комнате был идеальный порядок. Они казались мне просто идеальными детьми.

Но однажды все иллюзии по поводу этих девочек рухнули. Рухнули, что называется, в одну минуту. Дочь пришла от них потрясенная и – веселая.

– Мам, ты не представляешь, что я сегодня видела, – сказала она мне, смеясь. – Я видела, как сестры взбесились!

– Как это взбесились?

– По-настоящему, взбесились. Я, мама, даже испугалась сначала, думала, они точно взбесились...

И дочь, уже спокойнее, стала мне рассказывать.

Она была в гостях у этих правильных и воспитанных девочек, когда их мама ушла из квартиры, оставив их одних без присмотра.

– И как только дверь за ней захлопнулась и загудел лифт, то есть стало понятно, что она уехала, – они, как бешеные, стали бегать по коридору и орать. Они бегали и орали, они носились как бешеные, потом влетели на кухню, распахнули холодильник и стали есть, хватать все, что им не разрешали, пить прямо из банки майонез, заедать его маринованным огурцом. Они как с цепи сорвались! Потом они стали прыгать по мягкой мебели, потом – гроыхать по клавишам пианино, потом поставили смотреть видеокассету, которую им не разрешали смотреть...

– Мам, ну они вообще... – потрясенно говорила дочь. – Я прям обалдела... Они как озверели...

Когда ребенка заставляют идти одним путем, другой путь кажется ему привлекательнее.

Неизвестный автор

Потом, работая в школе психологом, я сама часто наблюдала это бешенство, этот взрыв. Но однажды – наблюдала ситуацию такого жесткого взрыва, такого в настоящем смысле слова *бешенства* ребенка, которого больше никогда не видела.

Мне уже поздно вечером позвонил папа, который так заботился и опекал дочь, что она сама не могла себе косы заплести и не знала, сколько ложек сахара надо положить в чай. Он, действительно, просто жизни не давал ребенку – везде и всюду заменяя ее жизнь собой. Я много раз предупреждала его, что это кончится очень грустно для девочки и для него самого. Что рано или поздно дочь взорвется, и накопленная агрессия направится против него же – все решающего, запрещающего, контролирующего отца. Но он не хотел, не готов был услышать мои предупреждения.

– Пожалуйста, приезжай, – сказал он мне, – мне очень нужна твоя помощь. У меня с дочерью что-то случилось...

– Что случилось? – спросила я. – Почему такая срочность?

– Она, – замялся папа, как бы не решаясь что-то сказать. Потом отвлекся на что-то и я только слышала в телефонной трубке какую-то возню, приглушенные крики. – Она бьет меня! – сказал он уже с каким-то отчаянием в голосе.

И я даже не знала, что сказать – так неожиданны были его слова. Его, здорового крепкого мужика, бьет девочка-подросток!

Я приехала к нему спустя почти час. Она все еще била его.

И было страшно видеть, как маленькая, худенькая девочка бьет своего отца. Бьет с ненавистью. Бьет, находясь в состоянии невменяемости, просто – бешенства. Просто – тупо мычит и бьет!

И такая сила в ней открылась! И сколько же было накоплено в ней обид! Сколько было спрятано в ней – за ее послушанием и образом милой девочки, которая подчиняется папе, который всегда все про нее и за нее знает – негативных эмоций, несогласия, чтобы столько времени, с такой с ненавистью бить здорового мужчину!

Я долго сама была под впечатлением от увиденного. И часто рассказывала родителям об этом случае.

Не дай нам Бог довести до такого наших детей!

Не дай нам Бог!..

Уход из семьи

Они уходят от нас. Уходят, когда их терпению приходит конец. Когда уход является единственным способом освободиться от нас, от нашего назойливого участия или «педагогических» методов воспитания.

– Я ушла из дома в четырнадцать лет, когда уже не могла слышать: «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь это читать!» «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь так говорить!» «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь так учиться!» «У нас такая интеллигентная семья, как ты можешь дружить с такими детьми!» Я оставила их в этой интеллигентной семье, потому что просто задыхалась в ней. И решила, что сама буду жить так, как хочу, и ребенка своего буду воспитывать свободным, пусть сам выбирает, что ему читать и с кем дружить. И хоть мне было очень трудно в жизни и я много ошибок наделала и много боли испытала, пока училась жить, но я не жалею о том, что ушла. Иначе бы тоже была бы сейчас засушенной мумией и говорила бы своим детям: «У нас такая интеллигентная семья!»

Несколько раз побывав в таких семьях, где контроль, опека, руководство детьми доведено до крайности, где ребенок заключен в рамки жестких правил и долженствования, как заключенный в тюрьме, я поражалась тяжелой, гнетущей атмосфере таких семей. Из такой семьи даже мне, постороннему человеку, попавшему туда на час-другой, – хотелось вырваться. Вырваться на свободу, на свежий воздух. Так, наверное, заключенные мечтают выйти на свободу из тюрьмы!

Если семья становится тюрьмой для ребенка, он тоже мечтает уйти из нее.

– Я уехала из своей семьи в другой город. Чтобы даже название улиц не напоминало мне о том, что я тут жила, – рассказывала на тренинге одна женщина. – И до сих пор общение с матерью для меня – просто геморрой, другим словом не скажешь. Даже сейчас она влезает во все, просто просачивается сквозь телефонную трубку с ее: «А он у тебя зарабатывает или на твоей шее сидит?» Или: «За дочерью лучше следи, а то не ровен час натворит чего-нибудь»... Она всегда лезла в мою жизнь. И всегда говорила – я твоя самая близкая подруга... Подруга! Я ее до сих пор – ненавижу!.. – неожиданно, но так горячо сказала женщина.

И чуть позже, на том же тренинге, когда одна из таких опекающих мам рассказывала, как *они вместе* с дочерью делают творческую работу, которую *им* задали, что *они* ходят на танцы и *им* преподаватель сказал, что у *них* хорошо получается, женщина эта сказала:

– Смотри, как бы и твоя дочь не сбежала от тебя в другой город. От такой вот – лучшей подруги...

И она была права...

Чувство вины

Я очень хорошо помню это чувство – чувство вины. Много раз в детстве и юности я сама испытывала его, когда понимала, что не соответствую ожиданиям родителей.

И дело было не только в достижении или, скорее, в недостижении каких-то ими поставленных высоких планок. Я испытывала чувство вины за, казалось бы, такие незначительные поступки – полученные в школе четверки, а не пятерки. Потому что я должна была быть только отличницей. И я так мучилась чувством вины, что я – «не такая», неправильная, не такая, какой должна быть!

Я поступила после школы в МГУ – я просто не могла не поступить – как можно было так разочаровать родителей! Но на втором курсе вышла замуж и долгое время мучилась чувством вины – как разочаровала я родителей этим поступком! Ведь мне надо было сначала закончить МГУ, а потом уже думать о семье!

Я ушла в декретный отпуск по беременности с третьего курса – и опять терзалась чувством вины. Родители так гордились, что их дочь – студентка МГУ, а эта студентка неизвестно когда еще закончит университет!

Я развелась сразу после окончания университета – и опять чувствовала себя такой виноватой: как расстроились родители оттого, что моя жизнь не сложилась. И когда узнавала о ссорах родителей, о том, что отец опять запил, обвиняла в этом себя: я была их надеждой, их гордостью, и если у меня все не сложилось – как они страдают и переживают, как разочарованы в жизни!

Сейчас я понимаю, что у моих родителей были их собственные жизни, ими они и должны были заниматься. Их они и должны были проживать, совершая в них *свои* поступки, достигая *своих* свершений, а не жить гордостью за ребенка и нагружать ребенка чувством вины, что он не оправдал их ожиданий.

И сколько я за время работы психологом выслушала таких покаянных историй, полных чувства вины, от взрослых людей:

– Я не родила ребенка, а мои родители так хотят быть бабушкой и дедушкой. Меня мучает, что я лишаю их такого счастья.

– А ты хочешь родить ребенка?

– Я еще не готова к этому. И думаю, нам с мужем не стоит его сейчас заводить. Может, вообще его не стоит заводить с этим человеком, у нас очень сложные отношения.

– Тогда отчего ты так переживаешь, если ты не хочешь сейчас рожать ребенка?

– Но родители-то хотят, чтобы я родила!

– Но жизнь-то у тебя своя! – говорила я. – В своей-то жизни ты сама должна решать, что тебе делать. Тем более, когда речь идет о таком важном событии, как рождение ребенка.

– Но попробуйте объяснить это моим родителям. Они заладили – рожай, мы из-за тебя переживаем. Мы из-за тебя живем без внуков...

Думаю, что-то похожее переживал каждый из нас – чувство вины, что ты что-то делаешь неправильно, не то, чего от тебя ждут. Что родители разочарованы в тебе или обижены на тебя.

Но ты только вдумайся, что это такое – наше чувство вины? Нам стыдно, что мы поступаем так, как *мы сами* хотим, а не так, как ждут от нас родители. Нам стыдно, что мы хотим жить *своей* жизнью.

И мы живем под грузом этой вины. Иногда – всю жизнь.

– Я виновата в смерти своего отца, – сказала мне одна женщина. – Я убила своего отца.

И замолчала надолго. Чувствовалось, что чувство вины в ней так сильно, что даже говорить о нем она не может.

– Как ты это сделала? – спросила я.

– Я хотела вечером поехать к своей подруге, которая позвонила мне и попросила приехать. Ей было очень плохо, от нее ушел муж, она переживала сильную депрессию. Но папа не пускал меня, сказал, нечего на ночь глядя куда-то ездить. Я пыталась ему объяснить, что мне надо к ней поехать, но он и слышать ничего не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.